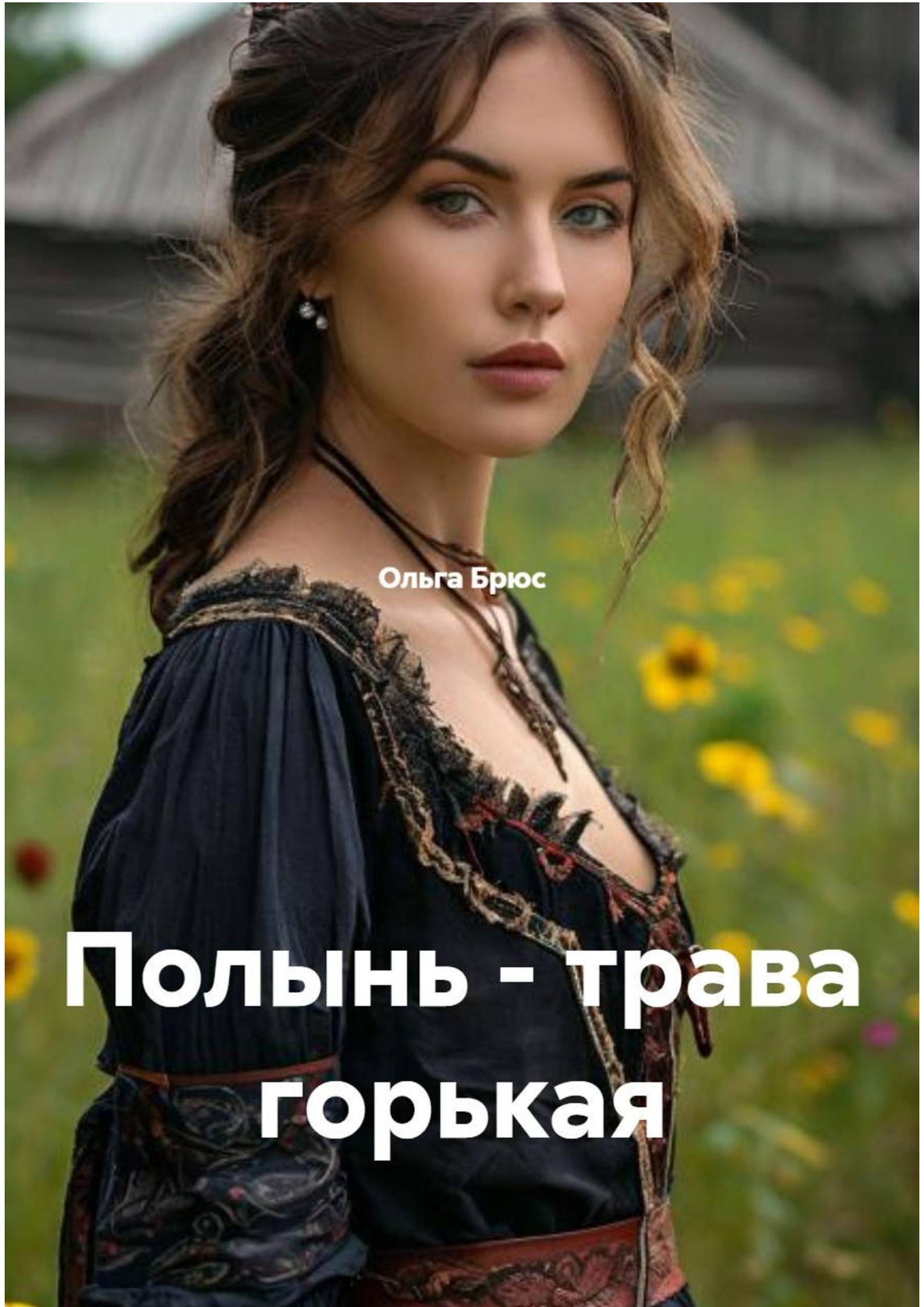

Ольга Брюс

**Полынь - трава
горькая**

Ольга Брюс

Полынь - трава горькая

«Автор»

2026

Брюс О.

Полынь - трава горькая / О. Брюс — «Автор», 2026

На хуторе Полину сторонятся из-за мрачной репутации её покойной бабки. Несмотря на дерзкий нрав и способность дать отпор любому, девушка изо всех сил стремится наладить отношения с жителями — ведь они почитают её за таинственный дар, перешедший по наследству. В этом противоречии — ключ к её непростой судьбе.

© Брюс О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	37
Глава 10	40
Глава 11	44
Глава 12	47
Глава 13	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Ольга Брюс

Полынь - трава горькая

Глава 1

– Полынь ты, а не Полина! – старый Кондрат в сердцах с такой силой стукнул тростью по деревянному штaketнику, что петух, спокойно дремавший на нём, как на жёрдочке, с шумом захлопал крыльями, слетел на землю.

– Сыть ты! Язви тебя в печёнку! – замахнулся на него старик, когда петух, вытянув шею, недовольно закукарекал, заглушил голос старика.

– Иди-иди, Иваныч, – махнула рукой Полина. – Ничего я тебе не дам.

– Вот-вот! – пригрозил он девушке кривым, похожим на корявый сучок пальцем. – Вся ты в свою бабку! Та тоже такой была! Тьфу на вас! Иродово племя

– Да что ты за человек-то такой, дед? – рассердилась в свою очередь и Полина. – Ходишь, злишься на всех. Петух вон и тот тебе помешал. Бабушку Иру вспомнил А её уже лет десять как на свете нету. Хоть бы постыдился, в самом деле

Кондрат пробурчал что-то невнятное и пошёл прочь, но потом вдруг сменил гнев на милость, вернулся и заговорил тихо и ласково:

– Полинушка, голубушка. Ну дай ты мне какого-нибудь отварчику, а? Противоядия то есть. Знаю ведь, что бабка моя к тебе прибегала, травку просила, какую потреблять надо, чтоб пить бросить. Куда уж она мне там твою настойку подливала - не знаю, а вот отворотило меня от самогонки и всё тебе тут.

Старик вздохнул и заговорил, жалобно подрагивая нижней губой:

– Я ж после баньки это дело очень даже уважаю, Полинушка. Выйдешь из парилочки, да к столу. А там уже бутылочка запотела. Налёшь стопочку, а на ржаной хлебушек солюшки посыплешь, лучок зелёный сверху, сальцо с прослоечкой, розовенькое Или селёдки кусочек. Если есть Стопочку дёрнешь, следом хлебец М-м-м. Вот говорю тебе, а у самого слюнки текут.

Старик и в самом деле сглотнул, представив нарисованную им же картину, но Полина только укоризненно покачала головой:

– Ива-а-аныч

– Да что Иваныч, что Иваныч, – снова вскипел неугомонный старик. – Затвердила сорока Якова одно про всякого! Совесть у тебя есть, Полинка, или нет? А? Вот что ты мне скажи! Сколько мне той жизни осталось? Может, я уже завтра дуба врежу? И всё! А там уже водочки не попьёшь! Так что же я и тут теперь, что ли, выпить права не имею? Не заслужил, да? Рылом не вышел?!

Кондрат хотел стукнуть тростью по земле, но промахнулся и попал по собственной ступне, тут же взыв от боли:

– Эх, раскудрить твою через коромысло! Ведьма проклятая! Ишь, какое увечье себе из-за тебя причинил! Ну, погоди, Полинка! Ты меня ещё попомнишь! Вот назло тебе лягу у тебя под забором и помру от тоски! А потом ночами к тебе буду приходить и выть под окном страшно: «Дай вы-ы-ыпить! Дай вы-ы-ыпить!» Попляшешь тогда – Вот помрёшь, Иваныч, – Полина наклонилась к корзине с мокрым, только что выстиранным бельём, достала оттуда цветастый байковый халат и с шумом встряхнула его, – тогда и приходи. Может, договоримся. А сейчас иди-ка ты отсюда подобра-поздорову, видишь дел у меня сколько, а ты отвлекаешь

– Вот-вот, я и говорю, полынь ты горькая, а не Полина! Тьфу на тебя! – плюнул себе под ноги старик и, тяжело опираясь на облезлую тросточку, без которой уже много лет не выходил на улицу, захромал прочь.

Полина вытерла рукой лоб, посмотрела старику вслед и спокойно занялась делами, будто забыв о своём сердитом госте. Но вдруг, словно тёмная тень коснулась её лица, и девушка, устало присев на завалинку, с тоской поглядела в синее небо: здесь был её дом, здесь она росла, но своей для людей так и не стала.

Они считали её потомственной колдуньей и боялись. А потому никогда не переступали порог её дома просто так, особенно по вечерам или когда на улице разыгрывалась непогода.

– Бабка её ведьмой была, – со страхом перешёптывались хуторяне, столкнувшись с Полиной на улочке или в окрестностях хуторка. – И эта такая же Ишь как глазами стрижёт! Как бы ни было чего

Но Полина никому и никогда не делала зла, и ей было не понятно, отчего её собственная жизнь текла тихой безрадостной рекой, мимо чужой радости, любви и счастья.

В калитку постучала соседка Мария.

– Иди, – сухо кивнула она Полине. – Твоя опять звонит. Ты ей скажи, Полина, чтобы она каждую неделю не названивала. Я не обязана бегать и звать тебя. А если поболтать хочется, иди вон на почту и трещи там, сколько влезет.

– Спасибо, тётя Маша, – кивнула Полина, поднялась на веранду и взяла в руки треснувшую и перевязанную изолентой трубку дискового телефона, которую соседка подала ей через открытое окно.

– Зачем ты звонишь, Вась? – ответила Полина, услышав звонкий голос сестры.

– Сколько раз тебе надо говорить, чтобы ты не называла меня так, а? – вскипела Василина, младшая сестра Полины.

Разница между девушками была небольшая, всего-то полтора года, но Василина всегда вела себя как маленький капризный ребёнок, требуя от старшей сестры того, чего когда-то им не дали родители.

– Что тебе нужно? Говори, – не обратила внимания Полина на упрёк младшей сестры.

– Как что?! – воскликнула та. – Денег, конечно. Чем я, по-твоему, должна платить за комнату в общежитии?

– Вась, ты ничего не путаешь? – Полина бросила мимолётный взгляд на соседку, которая и не подумала отойти, чтобы не мешать сёстрам разговаривать. – Это ты у нас городская, а я живу в хуторе. Откуда у меня деньги?

– Наколдуй! – зло расхохоталась Василина и, вдруг почувствовав, что сестра сейчас просто сбросит вызов, оборвала свой смех на самой высокой ноте: – И вообще, было бы честно, если бы ты продала дом и поделила деньги между нами поровну. С какой стати он достался только тебе?

– Кому нужен дом в нашем хуторе? – устало проговорила Полина. – Кто его купит? Это, во-первых. Во-вторых, ты сама говорила, что он тебе не нужен. В-третьих, это память о нашей бабушке. И на этом давай закончим разговор. Не беспокой, пожалуйста, больше ни тётю Машу, ни меня.

– А я что, виновата, что в вашей глуши сотовые не ловят?! – воскликнула Василина. – Не облезет твоя тётя Маша! Ей полезно двигаться, чтоб хоть чуть-чуть жир растряссти Так ты пришлешь мне денег?!

– Нет, – покачала головой Полина, как будто сестра могла её видеть.

– А-а-а! Я поняла! Ты так мстишь мне за своего Владика, да? Так он сам ко мне полез, я-то тут при чём? Просто я всегда нравилась парням больше, чем ты.

Полина положила трубку на аппарат и подняла взгляд на соседку:

– В следующий раз скажите ей, что не хочу разговаривать с ней. И звать меня больше не надо

– Чтоб ты сдохла, тварь, – проворчала Василина, так ничего и не добившись от сестры.
– О-о-о, как же я тебя ненавижу!!!

– Полынь!

Полина уже взялась рукой за калитку, но остановилась и обернулась на голос тёти Маши.

– Тьфу ты! Полина, я хотела сказать – поправилась женщина. – Ты прости меня, Полинushка, что я сорвалась тут на тебя. Колька мой опять запил, паразит, никаких нервов с ним не хватит. А тут ещё у дочки весь рот стоматитом обкидало, ревмя ревёт девчонка, вот я и отвела на тебе душу.

– Зверобоя вам от нервов попить нужно, тётя Маша, – сказала ей Полина. – А Веруньке некрепким настоем рот несколько раз прополоскать. И всё как рукой снимет.

– Полинushка, завари ты нам сама настоечки, а? – взяла девушку за руку Мария.

– Хорошо, – кивнула Полина. – У меня там осталось зверобоя немного с прошлого года, я сейчас сделаю и принесу. А утром хочу на луга сходить, новых травок набрать

– Вот спасибо, вот спасибо, – рассыпалась в благодарностях Мария, прикусив злой язык. Мало ли чего от этой ведьмы ждать, ещё рассердится, не дай бог, да отомстить надумает. Вдруг тогда у коровы молоко пропадёт, или мор какой на хозяйство найдёт. А то и мужик на стороне загулять может – Колька видный из себя

Так думала Мария, проводив Полину чуть ли не до дома. А потом приняла готовый настой и, расспросив, как его принимать, взялась за своё и дочкино лечение. Тут уж можно было не опасаться – Полинкины травы помогали лучше дорогих аптекарских лекарств. А всё же жить бок о бок с деревенской ведьмой – не мёд, это всем испокон веков известно

Полина проснулась до петухов, когда первые лучи солнца только-только начали золотить край неба, вышла во двор и умылась холодной колодезной водой. В её маленьком хуторке, затерянном среди бескрайних лесов и лугов, царила тишина, нарушаемая лишь пением ранних птиц. Девушка вернулась в дом, быстро оделась, накинула лёгкий платок на плечи и взяла в руки плетёную корзину. Сегодня ей нужно было собрать целебные травы на дальних лугах, где, по словам бабушки, росли самые сильные: ромашка, мать и мачеха и зверобой.

Путь девушки лежал через густой лес, который она знала с детства. Каждая тропинка, каждый овражек были ей знакомы. Она не боялась ни тёмных чащ, ни диких зверей. Хуторок, как и лес, был родным домом, где всё дышало покоем и гармонией. Полина любила запах влажной земли и мха, шелест листвы под ногами. Она шла легко, с наслаждением вдыхая свежий воздух, и думала о том, как всё-таки хорошо жить вдали от городской суеты.

Треск веток где-то впереди заставил девушку остановиться. Полина замерла и стала всматриваться в просвет между деревьями. Из-за густого обсыпанного листвой и алыми ягодами кустарника показалась огромная тёмная фигура. Это был медведь. Громадный, с лоснящейся бурой шерстью. Он вышел на тропу и остановился, почуяв человека. А потом, несколько раз шумно втянув ноздрями воздух, тяжело оттолкнулся от земли и поднялся на задние лапы.

Глава 2

– Батюшки! Какие мы грозные! – всплеснула руками Полина, поставила на землю корзину, достала из заплечного рюкзака газету, в которую были завернуты несколько крупных кусков колотого сахара и краюха подсолненного хлеба, и протянула их медведю.

Тот ухнул на передние лапы, заставив дрогнуть землю под ногами девушки, в два прыжка оказался рядом с ней и осторожно потянулся губами к любимому лакомству.

– Где же ты бродил, Гришуха, – Полина запустила пальцы в бурю шерсть зверя и почесала его за ухом, как делала это всегда, с той поры, когда он был ещё маленьким несмышлёнышем, и она нашла его, раненого и ревающего под кучей прошлогоднего валежника. – Три недели тебя не видела, бродяга ты этакий. За Пьяным ручьём, наверное, побывал? Ты смотри мне, на фермерские поля не суйся. Овёс там дружно взошёл, урожай хороший будет, но мужики озорничать тебе там не дадут.

Гришуха, управившись с лакомствами, несколько раз лизнул мягким, будто бархатным языком ладони девушки, оставляя на них липкий след.

– Ах ты, сладкоежка, – негромко рассмеялась Полина и обеими руками потрепала мохнатую громадную голову зверя. – Пойдём, я покажу тебе кое-что. Там, в ложбинке, такая сныть выросла, просто загляденье. Как это ты её ещё не учуял? Айда! И пошевеливайся, косилапый, а то мне некогда с тобой.

Закинув рюкзачок за плечи и подхватив корзинку, Полина снова отправилась в путь, а медведь, не отставая от неё ни на шаг, шёл рядом, ломая тонкие хрупкие ветви широкими когтистыми лапами.

Влажный, напоенный лесными ароматами воздух ещё не успел прогреться, но птицы уже проснулись и перекликались где-то в вышине, в сплетении крон, через которые можно было увидеть ярко-синие клочки неба.

Тропа круто свернула вправо. Полина ловко перепрыгивала через корни, скользила по мху, и огромный зверь за её спиной делал то же самое, неуклюже, но легко огибая стволы. С каждым шагом воздух становился влажнее, гуще – здесь, в низине, качался утренний туман, не желая уступать место солнцу.

Полина остановилась. Небольшая почти круглая ложбина была похожа на зелёную чашу. Сныть, самая сладкая, самая сочная трава, росла здесь густо и высоко, потому что ей всегда хватало влаги, а солнечные лучи, прожигая насквозь луга и поля, с трудом пробивались сюда сквозь пышную листву склонившихся над ложбиной деревьев.

– Гриш, смотри, какая красота! – улыбнулась Полина, обнимая смешно усевшегося рядом с ней любимца.

Каждый лист, каждый стебелёк густых трав был усыпан мелкими, как бисер, каплями росы. Сначала они поблёскивали тускло и робко, но вот вся ложбина вспыхнула, заискрилась, засияла тысячью разноцветных огней.

– Давай, Гришуха, завтракай, а я побегу! Как-нибудь на днях опять навещу тебя, только не пропадай больше!

Она снова потрепала медведя по загривку, ласково пощекотала за ушами прижавшуюся к ней голову зверя и, махнув ему на прощание, поспешила туда, где ещё девчонкой собирала лекарственные травы вместе с бабушкой.

Фыркнув, медведь проводил девушку взглядом, а потом, урча от удовольствия, принялся за пахучую траву, захватывая её вместе с росой и пережёвывая с сочным хрустом.

Бабушка Ира часто рассказывала Полине, что для приготовления лечебных настоев и отваров нужны разные части растений: листья подорожника, шалфея и мяты, почки берёзы и

тополя, корни валерианы, лопуха, девясила и одуванчика, цветы липы, боярышника, бузины и ромашки, плоды шиповника и можжевельника, кора дуба, ивы и осины. Эти слова Полина помнила наизусть, будто молитву, которую бабушка читала каждое утро, поднявшись с постели.

– Почки собирай, когда они набухли, но ещё не лопнули, – говорила бабушка, поглаживая ствол молодой берёзки. – Чуть опоздаешь – весь сок уйдёт в лист, и почка станет пустой, как вдовый карман.

Полина тогда была девчонкой, но запоминала всё. Кору нужно брать во время начала сокодвижения, когда она только набирает силу. Корни – осенью, когда лист пожухнет и вся энергия уйдёт в землю, в корень. Цветы – в самую пору цветения, утром, после того как роса обсохнет, но солнце ещё не начнёт палить. Плоды – когда нальются соком и начнут сами падать в руку.

Первым делом Полина отыскивала чабрец или, как его называла бабушка Ира, богородскую траву. Он рос на пригорке, распространяя вокруг себя тёплый, пряный аромат с лёгкой горчинкой. Полина склонилась над ним и принялась ловко срезать крепкие стебли и делать из них аккуратные пучки. Потом она вышла на полянку, усыпанную васильками. Полина любила их за синий цвет – яркий, густой, почти небесный. Бабушка говорила, что василёк – это мужская трава, и относиться к нему нужно с любовью и уважением.

Рядом с васильками, чуть ближе к лесу, цвела душица – розово-лиловая, пушистая, с пряным запахом, от которого кружилась голова. Полина срезала её под корень и, перевязав бечёвкой, аккуратно укладывала в корзину. Душицу баба Ира называла «женской травой», ведь она так хорошо помогала от бессонницы, от тоски и тяжести на сердце. Она часто заваривала её, когда кто-то из деревенских баб жаловался ей на горькую, тяжёлую жизнь. И женщины успокаивались, затихали, словно с каждым глотком напитываясь силой самой природы.

Зверобой Полина нашла чуть дальше.

– Зверобой, внучка, от ста болезней, – говорила бабуля. – Но знай: кто его в сумерках сорвёт, тот беду на себя накличет. А кому настой зверобоя дашь, накажи, чтоб на ночь только пил, на солнышке потом не показывался. Вредно после зверобоя по солнцу ходить.

Полина улыбнулась, вспоминая бабушкин голос, и принялась делать пучки из травы от ста болезней. Она работала, а в голове всплывали картинки: вот бабушка Ира сидит на крыльце, перебирает собранную траву от случайного мусора и подпорченных листьев. И в её сухих, жилистых руках с узловатыми пальцами каждая травинка превращалась в нужное людям лекарство.

– А вот и змееголовник, – прошептала Полина, заметив знакомые сиреневые соцветия. Она присела рядом и собрала цветы вместе с верхними листьями. Бабка говорила, что змееголовник настаивают от головной боли и от страха – если человек перепугался так, что сердце колотится, надо заварить ему эту траву и дать выпить мелкими глотками.

Иссоп рос большими кустами на самом краю луга, ближе к болоту, – высокий, ветвистый, с мелкими синими или фиолетовыми цветами, собранными в колоски. Пах иссоп резко, горьковато, напоминая одновременно и камфору, и анис. Полина срезала его с осторожностью: иссоп был сильным средством, бабушка применяла его при кашле, при бронхите, при застарелых простудах, но всегда говорила:

– С иссопом не шути. Переложить – сердце забьётся, как бешеное. Всему своя мера, Полинушка.

Полина сложила последний пучок в корзину, прижала сверху ладонью и оглядела луг: где-то в траве стрекотали кузнечики, над головой кружили шмели, и пахло нагретой землёй, мёдом и полынью.

– Лечить людей, – она снова вспомнила слова бабушки, – это не просто траву нарвать. Ты должна знать, кому что дать. Одному – отвар, другому – настойку, третьему – примочку. А главное, ты должна знать, когда лечить не нужно, чтоб не навредить ненароком. Иногда

человеку нужно просто перетерпеть. А траву надо брать с уважением, не жадничать, не рвать с корнем всё подряд. Запомни это.

Полина помнила.

Она уже дошла до луга, покрытого сиреневыми шапками дикого клевера, как вдруг замерла. Со стороны леса, по тропинке, что вела от Михайловки, шёл человек. Полина прищурилась, прикрыв глаза ладонью от солнца, и через секунду узнала его. Илья.

Он шёл размашистым шагом, не спеша, но уверенно – так ходят только те, кто привык мерить лесные, дикие тропки километрами. На нём была старая футболка цвета хаки и такого же цвета штаны – любимая одежда местных охотников. За плечом висело ружьё.

Ему было лет около тридцати пяти, но выглядел он на все сорок – из-за морщинок у глаз, из-за густой короткой бороды и той спокойной основательности, что появляется у мужиков, которые много лет живут в деревне.

– Полина! Савельева! – крикнул он ещё издали, поднимая руку в приветствии. Голос у него был низкий, чуть хриловатый. – Здорово! А я гляжу – кто-то на лугу копошится. Думаю, дай подойду.

Он подошёл ближе, остановился в двух шагах от неё и широко улыбнулся. Улыбка у Ильи была открытой, мальчишеской – и она совсем не вязалась с его грубоватой внешностью.

– Здравствуй, Илья, – ответила ему Полина.

Сердце у неё неприятно ёкнуло, но она взяла себя в руки, хотя знала, что сейчас начнётся.

– Всё травы собираешь? – Илья подошёл ещё на шаг, заглянул в корзину через плечо. – Зверобой. Душица. А это что? Тысячелистник? – он протянул руку, чтобы потрогать, но Полина дёрнула сумкой.

– Не трогай. Я только всё уложила.

Илья усмехнулся, убрал руку. Он смотрел на неё сверху вниз, и в его карих глазах светилось что-то такое, от чего Полине хотелось убежать.

– Красивая ты, Полина, – сказал он вдруг просто. – Вот стою и думаю: что ты всё от людей прячешься? С травой разговариваешь, с деревьями, со зверьём диким А мужиков боишься.

– Никого я не боюсь, – покачала головой Полина. – Иди своей дорогой, Илья. И мне тоже пора домой.

– Давай помогу, – шагнул он следом. – Что мне, трудно, что ли? Провожу тебя, а то мало ли чего.

– Не надо мне твоей помощи. Я сама, – Полина повернулась и пошла по тропинке, надеясь, что он сейчас отстанет от неё.

– Упрямая ты, – усмехнулся Илья, догоняя её. Он шёл за ней по лугу, как тень, и Полина чувствовала его дыхание за своей спиной. – Слушай, Полина Ты всё за тот случай на меня сердишься? Так я же пьян был, вот и повело меня. Ну, прости. Ты же знаешь, что я к тебе всерьёз. Не первый год. А ты отворачиваешься, как будто я тебе враг. И тогда по щекам отхлестала

Она остановилась, резко обернулась.

– Что ты от меня хочешь, Илья? – спросила громко, почти зло. – Зачем преследуешь? Я тебе ничего не обещала! Ни взгляда, ни слова лишнего не давала!

Илья на мгновение смутился, но тут же взял себя в руки. Он смотрел на неё, и улыбка медленно сползала с его лица, уступая место чему-то суровому и строгому.

– Ты мне даже поговорить с тобой нормально не даёшь. Я к тебе с теплом – а ты от меня бегом. Я слово – а ты десять. Полина, я живой человек. И тебя давно люблю

– Жену свою люби, Нину! И детей! А меня оставь в покое! – выкрикнула она и рванулась в сторону, к лесу, намереваясь обойти его и уйти прочь.

Но Илья оказался быстрее. Он шагнул, перегородил ей путь, и когда Полина попыталась уйти, протянул руку и перехватил её за запястье. Корзина с глухим стуком упала в траву, и Полина ахнула – не то от испуга, не то от гнева.

– Пусти! – крикнула она, пытаясь вырваться.

– Не пущу, – сказал Илья, и голос его вдруг охрип. Он дёрнул её на себя, и она, потеряв равновесие, полетела прямо на него, в жёсткие объятия, а потом они оба рухнули в высокую, по пояс, луговую траву.

Полина ударилась спиной о землю, и от удара у неё перехватило дыхание. Илья навис сверху, тяжёлый, горячий, пахнувший табаком и лесом. Его колено прижало её ногу, рука сжала плечо так, что не пошевелиться. Она открыла рот, чтобы закричать, но он не дал – накрыл её губы своими, грубо, жадно, не спрашивая разрешения.

Полина забилась под ним, как птица в силках, молотя кулаками по его спине и плечам, но Илья только сильнее прижимал её к земле, вдавливая в траву, в запах ромашки и мяты, и целовал – мокро, страстно, горячо в щёки, лоб, уголок губ, скулы, шею. Он целовал и шептал куда-то в висок, в волосы:

– Полина Полина Ну чего ты Полина

Глава 3

– Не смей, слышишь, Илья – Полина, как могла уворачивалась от его настойчивых губ, но едва почувствовала его горячие ладони на своей шее, затихла и сказала спокойно: – Давай, Илья. Ты же по-другому любить не умеешь. Тебя только на это и хватает: зажать меня спяну в безлюдном месте, или подкараулить тут и взять силой, зная, что я не смогу сопротивляться. Ну? Что остановился? Продолжай! Только знай, я ни дня после этого жить не буду. Слово тебе даю

Илья, приподнявшийся на локте, заглянул ей в глаза, понял, что она говорит правду и как-то сразу обмяк, и потемнел лицом.

– Чёртова девка! – зло оттолкнул он от себя девушку и поднялся на ноги. – Что ты делаешь со мной? Всю душу мне вынула, ведьма

Полина встала рядом с ним и теперь смотрела ему прямо в глаза:

– Не подходи ты больше ко мне, Илья. Не твоя я женщина и твоей никогда не буду.

– А. Если. Я. Не. Могу? – чётко выговаривая каждое слово, наклонился он к ней. И вдруг добавил с каким-то тяжёлым надрывом: – Уезжай ты отсюда, а? Слышишь, Полинка, уезжай. Не доводи меня до греха.

– Куда я поеду, Илья? – покачала головой Полина. – Здесь мой дом

– Ну и живи, – махнул он рукой обречённо. Всё равно я тебя найду, где бы ты ни была

Полина присела перед корзинкой, собрала в неё рассыпавшиеся пучки трав, потом перекинула через плечо свой походный рюкзачок и пошла прочь, ни разу не обернувшись. Это ей было совсем не нужно – она и так знала, что Илья стоит и смотрит ей вслед, прожигая тяжёлым и умоляющим взглядом.

Полине было всего семнадцать, когда Илья Дорошин впервые заметил, как выросла и похорошела старшая внучка покойной бабки Антоники. Тогда его жена Нина была уже на сносях, и он часто ездил в город, чтобы проведать её, когда она лежала на сохранении. Дорога в Александровск проходила через хутор Берёзовый, и Илья не раз подвозил в районный центр попутчиков из окрестных деревень, в том числе и Полину, которая сразу после девятого класса поступила в училище на ветеринара.

– Как живёшь, Полина? – спрашивал у неё Дорошин поначалу из праздного любопытства.

– Ничего, – отвечала она. – Справляюсь помаленьку.

– Вижу, как справляешься, – усмехался он, кивая головой. – Вон, одни глазищи остались. Смотри, скоро совсем в тень превратишься, женихи не найдут.

– Да какие там женихи, дядя Илья? – пожимала она остренькими плечами. – Не нужны они мне. Особенно сейчас. Как-нибудь и без них проживу.

– Ещё раз дядей меня назовёшь, высажу и пойдёшь пешком, – шутливо пригрозил ей Илья. – Смотри-ка, нашла дядю! Я, вообще-то всего на десять лет старше тебя.

Полина бросила на него удивлённый взгляд и немного смутилась. Но, когда он высадил её на аллее, возле училища, дрогнула длинными ресницами и уголки её пухлых губ приподнялись в невинной девичьей улыбке:

– Спасибо Илья – без тени кокетства сказала она, вышла из машины и поспешила на учёбу.

А Дорошин смотрел ей вслед и никак не мог отвести взгляда от хрупкой фигурки с осиной талией и длинными стройными ногами, вокруг которых колыхалась пышная голубенькая юбка. Утреннее солнце осветило Полину, пронзило её своими лучами, заставляя золотиться собранные в небрежный пучок волосы, и тогда-то Илья впервые подумал, что она очень красивая, и даже удивился, как же он раньше этого не замечал.

Именно с той поры он стал присматриваться к девушке, но все свои мысли держал при себе. Правда, время от времени, приходил в хутор и по дешёвке продавал сёстрам Савельевым то крупную, пойманную в реке рыбу, то какую-нибудь дичь. Или хороший кусок копчёного окорока из собственной коптильни, а то и несколько килограммов свежей, ещё парной говядины.

Илья охотно отдавал бы всё это Полине даром, но она, гордая и несговорчивая, категорически не хотела принимать такие подарки и только качала головой, когда он пытался настаивать на этом:

– Мы с Васей получаем пенсию. Немного, конечно, но нам вполне хватает.

– Ладно, тогда с тебя двести рублей!

– Почему так мало? Это же стоит дороже

– Ну, знаешь, – пожимал плечами Илья. – Мой товар. За сколько хочу, за столько и продаю.

Полина не спорила, ей надо было как-то выживать, и она благодарила Илью за помощь, прекрасно понимая, что он просто жалеет осиротевших сестёр.

Но время шло, и она стала отказываться от его помощи, потому что начала замечать его слишком пристальные и долгие взгляды.

А он, и в самом деле, всё время думал о расцветшей у него на глазах Полине, которая к двадцати годам превратилась в красивую стройную молодую женщину. Вот только она никогда не отвечала ему взаимностью и каждый раз при встрече обжигала холодом, не замечая, что это ещё больше распаляет влюблённого в неё мужчину.

Илья провёл ладонью по глазам, словно пытаясь прогнать охвативший его морок.

– Ведьма проклятая – снова повторил Илья, бросил взгляд туда, где среди деревьев исчезла Полина, развернулся и пошёл в другую сторону, всё ещё чувствуя вкус девушки на своих губах.

Солнце клонилось к закату, заливая просторный двор Дорошинского дома золотисто-медовым светом. В воздухе, прогретом за день, смешались запахи ещё не выгоревшей листвы, пыли и сладковатый аромат Белого налива, самого раннего сорта яблок в этих краях.

– Вика, твою налево! – выглянула в распахнутое окно Нина и пригрозила дочери ложкой, испачканной в гречневой каше. – А ну-ка, отдай ему самокат, а то сейчас получишь у меня!

– Мама! Он сам ко мне лезет! – захныкала девочка, отталкивая пятилетнего брата.

– Придёт отец, я ему всё расскажу! – пообещала Нина. И, почувствовав запах подгорающего на сковороде лука, исчезла из окна.

Скрипнула калитка. Дети разом обернулись и, забыв про самокат, с воплями бросились к отцу.

– Папка! Папка пришёл! Ура-а-а! – голосили они, повисая на нем. Илья неловко погладил их по головам. Ружьё висело на плече, пустой ягдташ болтался сбоку. Он коротко, будто через силу, улыбнулся, сунул руку в карман и, достав мятую бумажную купюру, протянул её старшей, Вике.

– Бегите в магазин, пока не закрылся, – голос его прозвучал тепло, но совсем безрадостно.

– Купите себе мороженого. И конфет каких-нибудь

Дети радостно взвизгнули, схватили деньги и, толкаясь, вылетели за ворота, поднимая пыль стоптанными резиновыми шлёпанцами. Илья проводил их тяжёлым взглядом, затем неторопливо прошёл к дому, снял ружьё, сунул его в прикрученный к стене железный сейф, стоявший в сенях, и шагнул в кухню, где пахло жареным салом и луком.

Нина обернулась, вытирая руки о фартук.

– Ну что ты? Набродился? Садись, – она указала на его любимое место у стола, застеленного потёртой клетчатой клеёнкой. – Сейчас покормлю. А что ж с пустыми руками? Дичь не попалась? Или вымерли все в лесу?

Илья не ответил. Он тяжело опустился на табурет, положил локти на стол и уставился на пожелтевший от копоти календарь, висевший на стене. Нина, чувствуя неладное, замолчала.

– Чего ты? Заболел?!

Вместо ответа Илья с силой ударил ладонью по столу.

– Я не заболел! – поднял он на жену ненавидящий взгляд, жилы на его шее вздулись. – Я устал! От этой жизни! От тебя! От всего! Уйти я хочу, Нина, слышишь?!

Нина замерла, прижав ладони к груди. В горле пересохло, мир вокруг будто потерял очертания и осталась только эта кухня, наполненная голосом Ильи.

– Как как уйти?.. – прошептала Нина побелевшими губами. – Куда? Илья, опомнись! Всё же хорошо было

И, воспользовавшись молчанием мужа, суетливо забегала от стола к плите, накладывая в тарелку дымящуюся картошку, политую жареным луком со шкварками.

– Вот, успела приготовить. Поешь, а? Я сейчас ещё котлеток положу и хлебушка дам

Илья вроде не сильно толкнул тарелку, но она, соскользнув со стола, грохнулась на пол и разбилась вдребезги, картошка разлетелась по половицам. Нина вздрогнула и отшатнулась. Лицо её исказилось испугом.

– Илья

– Ничего мне от тебя не надо, – сказал он надрывно и горько. – Другую я люблю, поняла?! Полинку Савельеву Дышать без неё не могу! Присушила она меня, ведьма проклятая! Чувствую, пропадаю, а сил нет оторваться! Люблю её одну – и всё тут!

Каждое слово мужа било Нину словно хлыстом. Почувствовав, как земля уходит из-под ног, она покачнулась и, тяжело опираясь на край стола, начала опускаться на колени. Пол был холодным и шершавым. Она упала перед мужем, обхватив его ноги руками, прижалась щекой к грязным, покрытым пылью и пылью штанинам.

– Не бросай, – голос её сорвался на хриплый крик, слёзы градом покатались по щекам. – Не бросай нас, Илья, Христом Богом прошу Беременная я, третий у нас будет. Всё сказать хотела, да боялась. Слышишь? Ребёночка твоего ношу Не губи

Илья замер. Лицо его на мгновение стало белым, как мел. Он смотрел на её склонённую голову, на вздрагивающие плечи, и в глазах его мелькнуло недоумение и жалость. Но тотчас же злорадность вернулась – злорадность загнанного в угол зверя.

– Зачем?! – прохрипел он, отрывая от себя жену и заглядывая ей в лицо. – Зачем это? Двоих тебе, что ли, мало? Я ж просил, не надо больше

Он вскочил с места, оттолкнул её и рванул к двери. Сидя на полу, Нина подняла голову и увидела его широкую спину, которая сейчас казалась ей по-старчески сутулившейся.

– Илья! – крикнула она отчаянно. – Илья, вернись! Опомнись!

Но он уже вышел за порог. Стукнула калитка. Во дворе всё стихло. Только откуда-то изда- лека доносились голоса детей, возвращающихся с мороженым. Нина осталась одна на холодном полу, среди осколков, рядом с рассыпанной картошкой. Мир, такой привычный и надёжный, в один миг разлетелся на части, как эта тарелка. Нина зажала рот ладонью, чтобы не закричать, и крупная дрожь сотрясла всё её тело.

Неприятная встреча с Ильёй занозой засела в сердце Полины, и она, не решившись пере- бирать пучки трав в таком настроении, разложила их в тени под навесом, прикрыла чистым льняным платком и отправилась в огород окучивать картофель. Но не успела пройти и пяти рядков, как услышала на улице какой-то переполох.

– Ой, люди! Помогите! – голосила Татьяна Евсеева, жена старого Кондрата. – Висит! Захожу в сараюшку, а он висит там! Батюшки-и-и!!! Да что же это?! А? Как же я теперь одна-то?

Глава 4

- Полина! Полина! – принялась стучать в калитку Татьяна. – Да где ты есть-то?
- Тут я, Татьяна Ильинична! – поспешила к ней девушка.
- Врач ведь ты, пойдём со мной, посмотришь, а – рыдала женщина, хватая её за руки.
- Ой, горюшко
- Я ж не врач, – покачала головой Полина, отстраняя от себя задыхающуюся старушку.
- Я ветеринар
- Да какая разница Вынуть ведь из петли надо Я одна боюсь
- Не говоря больше ни слова, Полина поспешила за старушкой, но та, едва добежав до своего двора, рухнула на лавку, стоявшую у забора, и махнула девушке рукой:
- Иди, я сейчас, отдышусь только Ой, горюшко
- Полина увидела, что из домов выглядывают люди, кто-то уже вышел на улицу узнать, в чём дело, повернулась и решительно вошла в небольшой дровяной сарай, посреди которого на верёвке, всего сантиметрах в сорока от пола, болталось тело старого Кондрата.
- Невольно ахнув, Полина испуганно остановилась, но уже в следующую минуту подняла глаза и сурово сдвинула брови: лицо старика было самого естественного цвета, губы и веки слегка подрагивали, а верёвка на тощей шее болталась слишком свободно, чтобы не позволить ему дышать.
- Кондрат Иваныч, вот ты совсем из ума выжил?! – сердито топнула ногой по земляному полу Полина. – Что за концерты ты тут устраиваешь?!
- Старик открыл глаза, поморщился и громко чихнул:
- Фу ты! Подняла пыль! Зараза
- Полина молча подтащила к нему чурочку, встала на неё и принялась развязывать верёвку, которую, прежде чем накинуть на шею, старик продел под мышки.
- Нет, это же надо было до такого додуматься? – не выдержала она снова, помогая ему спуститься на пол. – Бабу Таню до смерти перепугал, народ переполошил, сейчас все сюда сбегутся
- А я с тобой разговаривать не хочу, – выпятив обиженно нижнюю губу, проговорил Кондрат, прислушиваясь к шуму во дворе. – Я к тебе по-человечески приходил, а ты мне от ворот поворот выдала. А бабке так и сказал, что назло ей помру, если она мне выпивать не даст. А она такая: «Да помирай, мне жалко, что ли?!» Вот я и решил припугнуть её
- В это время в сарай ввалился галдевший на разные голоса народ, но тут же все умолкли, разглядывая вполне себе живого Кондрата и спокойно стоявшую рядом с ним Полину.
- Тю-ю-ю, Иваныч Так ты не помер? – разочарованно прошамкала одна старушка. – А я глянуть хотела
- Тьфу на тебя, старая, я ещё тебя переживу, – выругался Кондрат и охнул, так как растолкав всех, жена Татьяна бросилась ему в ноги:
- Родимый ожил Да что ж ты удумал-то, Кондратушка, а?
- А потом, раскрасневшаяся, потная, растрёпанная, поползла к Полине:
- Полинушка, век тебя благодарить буду. Люди!!! С того света она мне мужа вернула!!! Вот ведь сила у неё какая
- Полина только руками всплеснула, заметив удивление и испуг на лицах хуторян:
- Да вы что! Опомнитесь! Никого я никуда не возвращала! Дед Кондрат пошутить так надумал, баба Таня. Разыграл он тебя. Под мышки верёвку продел, на ней и висел.
- Как под мышки?! – слова Полины не сразу дошли до Татьяны, и она, поднявшись, склонила голову. – Так это он что? Не по-настоящему, что ли?
- Ну! – кивнула девушка.

Татьяна заглянула в лицо Полине, потом обвела взглядом всех присутствующих и, наконец, остановилась на муже, который отвернулся, делая вид, что ищет свою трость. Тем временем испуг у всех прошёл, и народ стал посмеиваться – все знали неугомонного деда Кондрата, вралю и балагура, который смолоду был первым затейником в округе. А потом и вовсе захохотали в голос, когда Татьяна, нащупав рукой сучковатое полено, замахнулась на мужа.

– Ах ты, прازی-и-ит Сморчок этакий!

Взвизгнув и растолкав всех, старик бросился вон из сарая, забыв о своей палке, без которой ещё утром не мог даже ходить. Сейчас он безо всякой опоры бегал по огороду, топчя грядки, и пытался увернуться от своей благоверной, которая гневно кричала ему вслед:

– Куда по огурцам, ирод?! А?! Помереть хотел!? Сейчас помрёшь, вот как только я тебя догоню, так сразу и окочуришься!

Народ ещё долго потешался над разыгравшейся комедией, а Полина, покачав головой, ушла к себе домой и, уставшая от долгого несуразного дня, прилегла на диван и закрыла глаза. Она сама не заметила, как уснула и окунулась в такой реальный сон, будто всё это происходило с ней на самом деле. Сначала ей снилось, что она плывёт по реке и тело становится лёгким, почти невесомым. Вода ласково обтекает плечи, и ей так хорошо, так свободно, что хочется смеяться. Полина открыла под водой глаза и увидела, как солнечные лучи пробиваются сквозь толщу, рисуя на песчаном дне золотые дрожащие пятна.

Но, когда вынырнула, откинула мокрые волосы с лица и поплыла к берегу, вокруг резко потемнело. В один миг исчезло солнце, тени сгустились, и воздух стал холодным и липким, как мокрая простыня. Полина нащупала дно и сделала первый шаг, но вдруг опустила глаза и застыла на месте: на ней ничего не было. Она попыталась прикрыться ладонями, но руки не слушались – они были чужими, тяжёлыми, словно налитыми свинцом.

А на берегу стояли люди и смотрели на неё. Их взгляды жгли её тело, оставляли на нём невидимые ожоги. Полина задрожала не от холода, а от стыда и рванула назад, к воде. Спасись. Нырнуть, скрыться, исчезнуть в тёплой глубине, где никто не увидит, не осудит, не будет сверлить глазами её наготу.

Но река вдруг стала покрываться льдом.

– Полина! Полинushка, проснись!

Голос бабушки донёсся откуда-то издалека, но девушка сразу узнала его. Она дёрнулась, пытаясь открыть глаза, но веки были тяжёлыми, как каменные плиты.

– Полина! – снова позвал её голос, настойчиво, тревожно. – Проснись!

– Бабушка!

Она дёрнулась изо всех сил и открыла глаза.

В груди колотилось сердце, руки дрожали, а сарафан прилип к спине от холодного пота. Полина села на диване, хватая ртом воздух, и долго смотрела в окно, за которым тихо шумели окружавшие хутор берёзы. Никакой реки. Никаких людей. Только тишина и её собственное тяжёлое дыхание.

Она провела пальцами по лицу – мокрому, холодному – и прошептала:

– Это всего лишь сон, бабушка. Всего лишь сон.

Илья подошёл к калитке родительского дома и толкнул её, зашагав по посыпанной галькой дорожке, ведущей к крыльцу.

– Илюша! – обрадованно окликнула его мать, выходя из курятника с решетом, полным яиц. Но тут же, заметив его выражение лица, испуганно спросила: – Случилось чего?

– Ничего не случилось, мам, – ответил он. – Вот просто пришёл. Поживу у вас немного. Можно?

Лидия Ивановна ахнула, глаза её округлились, и она заморгала часто-часто, как всегда делала, когда волновалась.

– А Нина как же? Да что это вы? Поссорились, что ли? – выдохнула она.

Из дома на голоса вышел отец Ильи, Сергей Васильевич и остановился, заслоняя собой дверной проём. Он был крупным мужчиной, с тяжёлыми увесистыми кулаками и седой щетиной на подбородке.

– Что значит, «поживу немного»? – спросил он жёстко. – А семья что же?

– Ничего, – ответил Илья, глядя отцу в глаза. – Не пустишь, что ли?

Сергей Васильевич несколько секунд молчал. Потом скрестил руки на груди.

– Не пущу, – кивнул он, и голос его зазвенел от едва сдерживаемого гнева. – Ты мужик или кто? Жена, дети дома, а он – под мамкину юбку прятаться прибежал! Ты что, сопляк зелёный? Полаялись – помириться! А семью бросать – последнее дело. Так что поворачивай оглобли и дуй обратно!

– Не пойду, – сказал Илья, и в голосе его впервые за много лет прорезалась та самая твёрдость, которую отец всегда пытался в нём воспитать, но сейчас она была направлена против него самого.

– Что значит – не пойду? – взревел Сергей Васильевич. – Я тебе что сказал? Иди и разбирайся на месте! Детей настругал, а теперь отдельно пожить захотел? А Нина как же?

– А что мне Нина? – воскликнул Илья. – Я не хотел на ней жениться. Это вы меня заставили.

Лидия Ивановна всхлипнула и опустила на лавку у стены, закрыв лицо руками.

– Илюша, как ты можешь? – прошептала она сквозь пальцы. – Нина – хорошая женщина. Детей растит, дом держит. Что тебе ещё надо?

– Я никогда не любил её, мама, – выдохнул Илья, и голос его дрогнул. – Вы меня уговорили. «Женись, Илья, девка видная, хозяйственная, всё равно жениться надо». Проходу мне не давали. И что? Сколько лет мы прожили, а она мне чужая. Дети – да, дети мои. Из-за них я и терпел. И больше не могу.

– Постой-ка, гусь лапчатый, – заговорил вдруг Сергей Васильевич. – Ты что, на стороне кого себе нашёл?!

– А хоть бы и нашёл! Вас больше не спрошу!

Сергей Васильевич побелел.

– Вон из моего дома! – гаркнул он, указывая рукой на калитку. – Паскудник! Позорить нас вздумал, на старости лет? Кобелина! Убирайся отсюда! А бросишь Нинку, не сын ты мне больше! Ясно тебе?!

Илья посмотрел на отца, на мать, которая сидела на лавке и трясла головой.

– Ясно. Спасибо, родители, век не забуду, – сказал он и, развернувшись, пошёл к калитке.

Лидия Ивановна бросилась было за ним, но Сергей Васильевич схватил её за плечо:

– Не смей! Пусть идёт. Ничего, помыкается, одумается

Илья вышел за калитку и остановился. Он постоял с минуту, глядя на дорогу, которая вела к дому, где осталась его семья, а потом повернул в другую сторону – в лес, к старой охотничьей заимке, где можно было провести не одну ночь.

– Сынок! – взметнулся за спиной надрывный крик матери, ей что-то жёстко ответил отец, потом хлопнула дверь.

Но Илья даже не обернулся.

Глава 5

Илья шёл по лесу, не разбирая дороги. Он то продирался сквозь низины, заросшие колючим кустарником, то выходил на едва заметную тропу, которой иногда пользовались охотники и грибники. Но последние никогда не забирались туда, где старые деревья смыкали кроны так плотно, что даже в ясный день там царил зелёный полумрак. Сейчас на окрестные деревни и хутор опускались тёплые летние сумерки, но здесь вечер уже сгустился до черноты, и только редкие просветы в листве пропускали тусклый свет начинающих загораться звёзд.

Илья ступал тяжело, не таясь, с хрустом ломая сушняк, попадавший под ноги – ему было всё равно. Ветки цеплялись за рубашку, словно пытаясь остановить его, хлестали по лицу и плечам, но он не замечал боли. В голове крутилась одна и та же мысль, назойливая, как комариный писк: «Что дальше? Дальше-то что?»

Полина не пустит его к себе. Он знал это точно. Она не такая, как те девки, готовые сами прыгнуть на мужика или уступить ему, покривлявшись для вида. Полина – гордая, с характером, с тем внутренним стержнем, который не согнуть и не сломать. Недаром её по всей округе за глаза Полыню зовут.

Он ведь, Илья, не первый и не единственный, кто пытался добиться её любви. Но она никого не подпускала к себе, а одного двадцатипятилетнего верзилу, Ваньку Кашина, тракториста из Голыбино, который по весне явился к ней пьяный свататься и сразу под юбку полез, так отходила подвернувшейся под руку метлой, что синяки долго не сходили с его лица и тела. Правда, Илья подстерёг в укромном месте и снова навесил фонари под оба глаза, а когда тот спросил, за что он его, сказал, что нечего по девкам паскудничать.

Вот так и вышло, что Ваньку наказал, а сам, сегодня на лугу чуть не заломал Полину. Илья чертыхнулся: что на него нашло? Почему не сдержался? Он ведь не хотел насильно, ждал, что она откликнется ему. Но Полина смотрела на него так, будто он действительно смог бы обидеть её. А после того, что он сделал, и вовсе возненавидит его. Если уже не возненавидела.

– Эх, если бы я не был женат, – думал Илья, перепрыгивая упавшее дерево. – Если бы не все эти годы, которые я прожил, как во сне Может, тогда хоть что-то изменилось бы. И она посмотрела бы на меня иначе.

Он остановился, прислонился спиной к шершавому стволу дуба и закрыл глаза.

– А если пойти к ней и всё рассказать?

Нет. Полина не захочет понять его. Она ведь не знает, как он дошёл до этой точки. Она увидит только то, что он бросил жену, бросил детей, и скажет: «Совести у тебя нет, Илья, предатель ты». А он не предатель. Он просто устал.

Устал жить «как все». Механически. Равнодушно. Без радости. Как машина, которую кто-то завёл и забыл выключить. Или ещё лучше – марионетка. Дёрнули за нитку – он пошёл на работу. Дёрнули за другую – сел ужинать. Ещё одна нитка – лёг спать, уставившись в потолок и слушая, как жена похрапывает рядом, повернувшись к нему спиной.

Он никогда не обижал Нину. Ни разу не поднял на неё руку, не сказал грубого слова. Своих детей – Вику и Володю – баловал, покупал, что им хотелось, мастерил для них качели, песочницу, из огромного колеса сделал бассейн.

Не пил запоями – лишь изредка позволял себе лишнего с мужиками по какому-нибудь поводу, но всегда, даже во хмелю, ночевал только дома и своими ногами доходил до постели. Ел то, что подавали к столу, молча делал, что велели, – сначала родители, потом жена. И никто ни разу не поинтересовался, а что хочет он сам.

В памяти всплыли голоса – вроде разные, но такие одинаково глухие к его желаниям.

– Илюша, женись на Нине, – говорила мать, Лидия Ивановна, на кухне, раскладывая огурцы по трёхлитровым банкам. – Девка видная, хозяйственная. Не век же тебе одному куковать.

– Я не хочу жениться, мам, – ответил он, тогда ещё молодой и весёлый парень. – Не лежит у меня душа к ней. Вот как полюблю кого-нибудь, так обязательно женюсь.

– Душа не душа, – вмешался в разговор отец. – Раньше никто на душу не смотрел. Девку по заду крепкому выбирать надо, чтоб здоровых детей тебе нащёлкала. Да работать умела. На Нинку глянь – с утра до ночи девка в огороде – травинки у неё не найдёшь, зато любой овощ у неё первой созревает, рука, значит, лёгкая. А как она коров доит, у матери спроси. Ни одной доярки такой на ферме нет. Вымя до чистоты отмоет, с животинкой ласково разговаривает. Огонь девка! А ты всё о душе думаешь. Ничего! Стерпится – слюбится.

– А если не слюбится?

– Слюбится, я сказал, – отрезал отец и хлопнул ладонью по столу. – Она вон какими взглядами тебя обжигает, а ты – как пень!

Илья помолчал, но потом всё-таки не выдержал:

– Я, батя, в город податься хочу. Там Витька, дружок мой армейский живёт. Обещал помочь на первых порах.

– Осатанел? – взревел тогда отец. – А я тут как один с таким хозяйством управляться буду? Всем корма заготовь, у всех почисть, да и с домом дел неупророт. Осень скоро, а у нас крыша подтекать начинает и сарай достраивать надо.

– Батя, но я буду приезжать

– Вот что я тебе скажу, сынок, – взялся обеими руками за стол Сергей. – Уедешь в свой город, хоть пропади там, а сюда больше не возвращайся. Нет тогда у тебя родителей и родни никакой нет!

Молча встал тогда Илья, отодвинув табурет так, что он с грохотом упал на пол и прошёл в свою комнату, где, схватив сумку, принялся бросать в неё свои вещи. Тихо-тихо открылась дверь и к нему вошла заплаканная мать.

– Не уезжай, Илюшенька, – всхлипывая и размазывая слёзы по щекам, заговорила она. – не со зла это отец наговорил тебе. Он ведь добра хочет. Да и то сказать, как же ему без помощника, сам ведь знаешь, как он со спиной мучается. А от меня какая помощь? Ноги больные, да и одышка. Шаг прошла – села, другой прошла – опять села. Один ведь ты у нас, поздний к тому же. Если бы мы в силе были А так, хоть плачь, хоть волком вой.

Сжал кулаки Илья и желваки вспухли на скулах его, но спорить с матерью он не стал. То, чего не добился отец криком, решила она своими горькими слезами. Так и остался Илья дома, крышу перекрыл, сарай достроил, корма хозяйству заготовил вволю. А потом отец, распродав коров, быков и овец, большую часть денег отдал за дом, который он присмотрел для Ильи в другом конце Михайловки. А на оставшиеся закатил шумную деревенскую свадьбу, радуясь, что добился-таки своего. Илья больше не спорил. Нина, отдавшаяся ему на первом же свидании в роще, куда они забрели после танцев в клубе, быстро забеременела, и он решил, что так тому и быть. Всё равно ничего другого с им произойти уже не могло.

Но, когда уже после свадьбы, через год, он попробовал заговорить с Ниной о том, что хотел бы перебраться в город, попробовать новую работу, она только всплеснула руками:

– Ты чего, Илья? А дом? А хозяйство? Тут и молоко, и мясо парное, а у нас дочка растёт! Что ж ты её выхлопными газами травить в городе хочешь?

– Живут же другие люди

– И пусть живут! А ты о нас подумал?

– Я о себе хочу подумать, – сказал он тихо.

– О себе? – Нина посмотрела на него с таким недоумением, будто он заговорил на иностранном языке. – Эгоист ты, Илья. Мы семья. Что же это будет, если каждый о себе думать начнёт?

Илья сжал переносицу пальцами, прогоняя воспоминания. В темноте леса они казались особенно отчётливыми, будто записанными на плёнку и прокрученными заново.

– Нин, я хочу на охоту уйти на неделю, – сказал он как-то весной. – Один.

– Зачем? – удивилась та. – Дома дел по горло. Забор чинить надо, мать моя ещё просила сарай перекрыть. А ты с охотой, Илья. Нашёл время гулять.

– Я не гулять, я подышать хочу, – попробовал возразить он.

– Иди во дворе подыши, – отрезала жена. – А мне голову не морочь. Присмотри лучше за Викой, пока я корову подою.

В другой раз он подошёл к отцу:

– Бать, Васька Митрошин бригаду набирает. В Александровск надо будет ездить, там стройка какая-то начинается. Платить хорошо обещают. Дашь машину свою?

– А кто здесь хозяйство поднимать будет? – нахмурился Сергей Васильевич. – Я один, что ли, должен? Или забыл, для кого я всё продал? Сиди на месте, не рыпайся. Всех денег не заработаешь. Главное – порядок в доме.

– Порядок в доме, – горько усмехнулся Илья, вспомнив слова отца. – Всю жизнь я наводил порядок, а внутри у меня был бардак. И никому до этого не было дела.

Он оттолкнулся от дерева и пошёл дальше.

Где-то вдалеке ухнула сова, взлетела, громко захлопав крыльями, и лес тут же наполнился шорохами и звуками, среди которых чуткое ухо Ильи различило чьи-то голоса. Они доносились откуда-то справа, из-за густого орешника, метрах в двухстах от дороги. Илья замер, инстинктивно пригнулся и шагнул за раскидистый ствол старого дуба.

Голоса приблизились. Говорили двое. Мужские голоса – низкие, хриплые, с той особой грубой интонацией, которая бывает у людей, не привыкших решать вопросы словами.

– Всё, хорош. Не поташу его больше, – сказал первый голос, усталый и злой. И тут же послышался глухой удар, как будто кто-то бросил на землю тяжёлый мешок. – Здесь закопаем.

Илья нахмурился. Сердце ёкнуло, но он остался стоять неподвижно. В воздухе запахло кровью.

– Чего? – ответил второй голос, резкий, с металлическими нотками. – Яму для этого чёрта копать? Я и так спину сорвал.

– И что ты предлагаешь? – спросил первый с сомнением.

– Так бросим.

– Тогда нас шеф самих закопает. Ты его знаешь. Он велел – чтоб чисто было.

Второй хмыкнул:

– Не закопает. Мы и так больше двухсот километров прочесали от дома. Тут глухомань – ни души. Никто не найдёт.

– Не закопаем, зверьё растащит, – не унимался первый.

– И пусть растаскивает, – отрезал второй. – Он всё равно не жилец. Ещё пару часов – и сам подохнет. Нам меньше работы.

Кровь стучала в висках Ильи так громко, что он побоялся выдать себя и медленно попятился, нащупывая ногой твёрдую почву, но под подошвой предательски хрустнула сухая ветка.

Голоса мгновенно стихли. Илья почувствовал, как холодный пот течёт на спине. В темноте леса, в двадцати шагах от него, кто-то затаил дыхание. Они его услышали.

А в следующую секунду темноту вспорол выстрел.

Пуля с противным визгом прошла кору дерева в трёх шагах от Ильи, выбив фонтанчик коры. Запахло горелым порохом и сырой корой. Илья инстинктивно пригнулся, быстро и бесшумно вскинул ружье.

– Придурок – зашипел второй голос, полный злости и испуга. – Хочешь, чтобы нас тут вся округа услышала?

– А если это менты? Или ещё кто?

– Совсем рехнулся? Тут одно зверьё, медведи, кабаны дикие. Давай, разозли секача, сейчас вылетит на тебя такой

– Пошли отсюда

Илья услышал, как зашуршали кусты, и тяжёлые быстрые шаги начали удаляться в сторону узкой лесной дороги, по которой можно было добраться до хутора Берёзового, а через него выйти на Голыбино и дальше уже на гравийку. Потом до него долетела приглушенная ругань – кто-то из двоих споткнулся и упал, но тут же вскочил. И только минут через двадцать, где-то едва слышно завёлся двигатель, но звук тут же начал удаляться, пока не растворился в ночной тишине.

Илья присел на корточках, привалившись спиной к шершавому стволу дерева. Ноги дрожали мелкой противной дрожью, и он никак не мог заставить себя встать, пойти и посмотреть, кто лежит там, всего в десяти или пятнадцати метрах от него.

В голове крутилась одна мысль:

– Что делать? Вызывать полицию? Но до города пятьдесят километров, связи в лесу нет. Да и кто он такой, чтобы заявлять? Охотник, который случайно забрёл в лес и подслушал чей-то разговор? Свидетелей нет, тела он не видел, а если они уже уехали – то и следов не осталось. Кто ему поверит? Ещё затаскают по следствию.

Но и уйти просто так он не мог.

Илья поднялся, опираясь рукой о ствол, и шагнул вперёд, осторожно раздвигая ветки, и вскоре наткнулся на тело. Человек лежал ничком, раскинув руки. Илья опустился рядом на колени, перевернул его на спину. В лицо ударил запах пота, пороха и железа.

Мужчина. Молодой, лет тридцати, с разбитым лицом – губы рассечены, под глазом наливался сизый кровоподтёк, щека распухла. Одежда изорвана, вся в грязи и крови. Илья потянул ворот рубашки и увидел сквозную рану в плече – пуля оставила рваное отверстие, из которого всё ещё сочилась кровь.

– Эй, ты живой? – спросил Илья вслух, хотя понимал, что ответа не получит.

Он приложил пальцы к холодной шее незнакомца и замер. Сначала ничего не чувствовалось, но потом, сквозь стук собственного сердца, он различил слабый, едва заметный пульс. Редкий, нитевидный, но – есть.

– Ну, держись, брат, – сказал Илья, сбрасывая с плеч рюкзак. – Молод ещё, чтобы помирать.

Он разорвал рубаху несчастного на полосы, кое-как перетянул рану, чтобы остановить кровь. Действовал быстро, грубо, но уверенно – охота научила его оказывать первую помощь и себе, и другим. Потом, крикнув от натуги, подхватил раненого под мышки и взвалил на себя. Тот был тяжёлым, безвольным, голова моталась из стороны в сторону, но Илья стиснул зубы и пошёл.

До охотничьей заимки, где он собирался ночевать, было около трёх километров. Илья нёс незнакомца по ночному лесу, спотыкаясь о корни, продираясь сквозь кусты, и ругал себя за то, что вообще ввязался в эту историю. Но бросить умирать не мог. Не тот он был человек.

Избушка показалась из темноты неожиданно – словно выросла из-под земли – маленькая, рубленая, с покосившимся крыльцом. Илья толкнул дверь ногой, внёс раненого внутрь и бережно, стараясь не причинить лишней боли, уложил на широкий топчан, застеленный старым ватным одеялом.

Потом зажёл керосиновую лампу – единственное освещение в избежке – и при свете осмотрел незнакомца. Лицо его было бледным до синевы, губы запеклись, на лбу выступил

пот. Илья осмотрел рану. Сквозное пулевое, счастье, что кость не задета, но потеря крови серьезная. А ещё рёбра – он провёл рукой по груди мужчины и нащупал сломанное ребро.

– Кто ж тебя так, парень? – тихо спросил Илья, глядя на бледное лицо незнакомца. – И за что?

Ответа не было. Только тихое, прерывистое дыхание и слабый пульс, который Илья снова проверил, прижав пальцы к шее.

Он вздохнул, достал из рюкзака флягу с водой, чистую тряпку и принялся обрабатывать рану. Ночь обещала быть долгой.

Полина крепко спала в своей постели и сон её, глубокий, но тревожный, снова беспокоил её – ей снилась та же река, но теперь вода поднималась, заливая берег, и луг, где она ещё утром собирала травы. Полина заворочалась, что-то пробормотала во сне, но не проснулась и не услышала, как кто-то, пользуясь темнотой, бесшумно открыл калитку, прошёл по двору, осторожно снял с верёвки кое-что из просушенных вещей и сунул их за пазуху. Потом подошёл к двери, достал из кармана нож и, аккуратно просунув лезвие в щель между дверью и косяком, начал осторожно отодвигать крючок, на который Полина запиралась изнутри.

Крючок поддался с тихим металлическим лязгом.

Человек приоткрыл дверь, шагнул внутрь. В доме было темно, пахло сушёными травами и цветами. Он постоял с минуту, привыкая к темноте, разглядел кровать и фигуру девушки, спящей под тонким покрывалом.

Подошёл ближе. С минуту смотрел на разметавшиеся по подушке волосы, красивое лицо, чуть приоткрытые в дыхании губы. Что-то мелькнуло в его глазах – то ли сожаление, то ли решимость.

И вдруг он резко нагнулся, схватил её, накинуд на голову покрывало и зажал ей рот широкой шершавой ладонью, приглушив крик.

Полина дёрнулась, забилась в его руках, но человек держал её крепко. Ещё секунда – и он, прижимая её к себе, закутанную в покрывало, выскочил из дома, толкнул калитку и исчез в темноте леса так же бесшумно, как и появился.

Только ветка качнулась там, где он скрылся, да лунный свет на мгновение блеснул на лезвии ножа, прежде чем ночь сомкнулась за его спиной.

Глава 6

Полина вырывалась, билась и извивалась в руках своего похитителя, мешая ему идти, но он держал её крепко, сжимая в объятиях, как в тисках. Она слышала его частое, тяжёлое дыхание, чувствовала, как при каждом её движении напрягаются его мышцы, и от этого ей становилось ещё страшнее.

– Я не могу дышать я сейчас задохнусь, – простионала вконец измученная Полина, и вдруг поняла, что её похититель остановился, а она уже стоит на земле и он поддерживает её, не позволяя ей упасть.

Одним движением она сорвала с себя покрывало, и закричала, узнав в бледном лунном свете Илью Дорошина.

– Ты?! Илья!!! – выдохнула она, и в голосе её смешались одновременно ярость, страх и изумление. – Ты совсем уже, что ли?!

Она отчаянно набросилась на него с кулаками и принялась бить по груди и плечам, выплёскивая только что пережитый испуг.

– Зачем ты это сделал?! – кричала она, задыхаясь от гнева. – Что ты хочешь от меня? Я же просила не подходить ко мне! Опять за своё, да? У тебя только одно на уме!

Илья не уклонялся от ударов девушки, но, когда услышал последние слова, перехватил её руки, сжал запястья и заглянул ей в глаза. Взгляд его был странным – не похотливым и не требовательным, а каким-то отчаянным, почти молящим.

– Полина – сказал он внезапно сломавшимся голосом. – Прошу тебя. Не кричи. Я не для того тебя сюда принёс.

– А для чего?! – выкрикнула она ему в лицо, пытаясь высвободить руки. – Да отпусти ты!

Он не отпустил. Вместо этого крепко обхватил её, прижимая к себе так, что она почувствовала, как часто и бешено бьётся о грудную клетку его сердце.

– Я бы всё отдал за одну ночь с тобой, – прорывался он, наклоняясь к её лицу, и Полина замерла, чувствуя его горячее дыхание на своей щеке. Он говорил с трудом, сдерживая себя так, будто внутри него сидел дикий зверь, а он силой пытался удержать его. – Слышишь меня? Полынь ты моя горькая Жизни бы не пожалел, только бы раствориться в тебе, пропитать своим запахом, заклеить тебя собой, чтобы никто, ни один мужчина не смог бы даже посмотреть на тебя.

Полина молчала. Его губы были в сантиметре от её губ, и она дрожала так же, как дрожал и сам Илья.

– Ты сводишь меня с ума. Заставляешь забыть обо всём. Я мог взять тебя там, на лугу. Мог бы сделать это и сейчас. Но я клянусь тебе, Полина, – продолжал он, и голос его хрипел, а на скулах вспухли крупные желваки, – клянусь, что никогда не сломаю тебя. Ничего не сделаю против твоей воли. Я тебе слово своё даю, слышишь? Потому что не хочу, чтобы ты боялась меня. Запомни это. Полина! Не бойся меня. Я не такой, и скорее умру, чем обижу тебя.

Он отпустил её и, накинув ей на плечи покрывало, чтобы защитить от ночной прохлады, отступил на шаг, спрятав руки за спину. Но Полина всё ещё смотрела на него с недоверием и страхом.

– Тогда зачем ты притащил меня сюда среди ночи? Что тебе надо?

Илья вздохнул глубоко, как человек, который собирается с силами, и посмотрел ей в глаза.

– Помощь твоя нужна, – сказал он. – Не знаю, к кому ещё могу обратиться.

А потом спокойно и серьёзно рассказал о том, что случилось в лесу: о голосах, о выстреле, о раненом, которого он нашёл и притащил в охотничью избушку.

Полина слушала, и лицо её менялось – страх медленно уступал место сосредоточенности.

– Так что ж ты меня хватаешь, как последний бандит? – спросила она с укором. – Я-то тут при чём? Ему врача вызывать надо! В больницу везти! У человека рана опасная, а ты по лесам со мной бегаешь! Ну, ей-богу, Илья, что ты как ребенок?!

– Думал я об этом и тоже сначала хотел врачей вызывать, – твёрдо сказал он. – Но ведь с ним кто-то расправился. И если узнают, что он жив, его просто добьют – и всё. Да и что мы скажем врачам? «Нашли в лесу подстреленного, избитого»? Они сразу вызовут полицейских, дальше – больше, столько проблем навалится, что не расхлебаем. Выходить парня надо, а потом уже пусть решает сам, куда ему идти.

Полина молчала. Она кусала губу, хмурилась, переступала босыми ногами по холодной земле.

– Илья Это опасно. Ты понимаешь? Мы можем в такое вляпаться, что

– Понимаю, – перебил он. – Потому и прошу тебя. Я один не справлюсь. У тебя руки золотые, ты травы знаешь, раны умеешь обрабатывать. Пойдём со мной, Полина. Прошу.

Она посмотрела на себя и развела руки в стороны – короткая пижама, в которой она спала, босые ноги, покрывало на плечах. Усмехнулась горько.

– В этом? По лесу? – спросила она. – С ума сошёл? Я босиком, в одной пижаме Ты как себе это представляешь? Надо вернуться домой.

Илья улыбнулся, запустил руку за пазуху и вытащил оттуда комок ткани. Развернул – и Полина узнала свои вещи. Рубашка, носки, джинсы. Те самые, что сушились на верёвке во дворе.

– Ах ты – выдохнула она. – Смотри, какой! Нет, я всё равно не понимаю, ты не мог, что ли, дома мне всё объяснить? Постучаться, как все люди, разбудить, сказать: «Полина, нужна помощь»?

– А ты бы мне поверила? – спросил он тихо.

Она помолчала секунду.

– Нет, – честно ответила она. – Не поверила бы. Решила б, что ты опять за старое.

– Вот видишь, – тоскливо вздохнул Илья.

– Ладно. Отвернись, дай одеться.

Он послушно отвернулся, и Полина быстро переоделась, а потом посмотрела на свои ноги и покачала головой.

– Всё равно домой возвращаться надо. В одних носках я далеко не уйду, – сказала она.

– Да ты что! Мы полпути уже прошли, – сказал Илья, посмотрел на её ноги, потом на покрывало, которое она держала в руках. И, прежде чем она успела что-то сказать, с силой рванул ткань – раз, другой, третий и покрывало разорвалось на длинные полосы.

– Ты что творишь?! – ахнула Полина. – Это же бабушкино покрывало! Любимое! Илья, ну ты

– Да ладно! Я тебе другое куплю, – перебил он, опускаясь перед ней на колени. – Такое же, даже лучше, любое, какое скажешь. Только пойдём уже!

Он ловко, привычными движениями обмотал её ступни полосами ткани, завязал узлами, чтобы не развязались на ходу. Получилось грубо, но надёжно.

– Ну вот, – сказал он, поднимаясь. – Как лапти. До избышки выдержат. А там разберёмся.

Полина посмотрела на свои ноги, обмотанные бабушкиным покрывалом, на Илью – взлохмаченного, с красными от усталости глазами, и почувствовала, как гнев медленно отступает. Она всё ещё злилась на него за то, что он её украл, за испуг, за разорванное бабушкино покрывало. Но в голосе его, когда он говорил о раненом, слышалась такая искренняя тревога, что она не могла просто развернуться и уйти.

– Ладно, – сказала она, переступая с ноги на ногу. – Пошли уже. Но если ты меня обманул, Илья Если это какая-то ловушка

– Не ловушка, – твёрдо ответил он. – Клянусь тебе. Пойдём.

И они направились сквозь ночной лес в сторону охотничьей избушки, где на топчане лежал избитый, истекающий кровью незнакомец.

Полина знала то место, куда вёл её Илья. Старая охотничья избушка была срублена ещё, наверное, в середине прошлого века, но, сделанная на совесть, по-прежнему оставалась добротной – брёвна плотно прилегали друг к другу, и были так хорошо законопачены, что внутри не сквозило даже во время зимних выюг.

Внутри всё было устроено по-простому: широкий топчан у стены, грубо сколоченный стол, пара табуретов, полка с необходимой посудой и жестяными банками. В углу – печь-буржуйка, рядом аккуратная кучка дров. На полке, в коробке, несколько банок тушёнки, сухари, две пачки быстрорастворимой лапши, чай, кофе и сахар. На стене, на гвоздике, висела пластмассовая автомобильная аптечка – зелёная, с выцветшим крестом. Одна керосиновая лампа была подвешена к потолку, вторая стояла на столе и тускло горела, отбрасывая на стены дрожащие тени.

Всё здесь было просто и продуманно – охотники и грибники, которые время от времени останавливались в этой избушке передохнуть или даже заночевать, заботились о том, чтобы следующий путник нашёл всё необходимое.

Полина вошла в охотничью избушку следом за Ильёй, и первое, что почувствовала, был запах сухого старого дерева, смешанный с запахом крови и нотками дорогого мужского парфюма.

Раненый лежал на топчане, не шевелясь. Лицо его было бледным, почти серым, губы запеклись, дыхание было практически неразличимым. Полина, бросив испуганный взгляд на Илью, шагнула к топчану и опустилась перед ним на колени.

– Свети сюда, – коротко бросила она, и Илья поднёс лампу ближе.

Она осмотрела парня. Лицо было разбито – рассечённая бровь, разбитая губа, под глазом расплылся тёмный кровоподтёк. Она осторожно провела руками по его груди, нажимая на рёбра. Парень дёрнулся и тихо застонал, но в сознание не пришёл.

– Вот здесь ребро мне не нравится, – сказала Полина серьёзным, обеспокоенным тоном. – Перелом, кажется, есть, но он сзади и закрытый, кость в лёгкое не воткнётся. Повезло. Помогите мне, вот так приподнимите его и чуть-чуть наклоните. Только осторожно.

Илья послушно выполнил её просьбу, и Полина осмотрела плечо мужчины. Пуля прошла навылет, но рана была рваной, края воспалились. Хорошо, что Илья перетянул её вовремя, остановив кровь, но без должной обработки могла начаться гангрена.

– Аптечку давай, – потребовала она, не оборачиваясь. – И воды

Илья подал ей аптечку. Полина открыла её, пробежала глазами содержимое – бинты, вата, йод, перекись, несколько ампул с обезболивающим. Она достала шприц, вскрыла ампулу, сделала парню укол в плечо – аккуратно, чтобы не причинить лишней боли. Потом осторожно обработала края раны перекисью, наложила чистую повязку. После занялась лицом – промыла ссадины, смазала йодом рассечённую бровь. Мужчина не приходил в сознание, но дыхание его уже можно было различить – и это обнадежило Полину.

– Ему нужны хорошие лекарства, так что придётся тебе идти в деревню, – сказала она, выпрямляясь и глядя на Илью. Подошла к столу, нашла огрызок карандаша и клочок бумаги, быстро написала несколько строк. – Вот, – протянула Илье. – Это нужно купить в аптеке. И обувь мне принеси.

Илья взял бумажку, посмотрел на неё, потом на Полину:

– Ты что, одна тут с ним останешься? – спросил он с сомнением в голосе.

Полина всплеснула руками:

– Нет, давай вдвоём над ним сидеть будем. А кто в аптеку пойдёт? Он? – она кивнула на раненого. – Иди, Илья, неси, что я сказала, и возвращайся. Время дорого.

Илья открыл рот, чтобы возразить, но встретился с её взглядом – строгим, твёрдым, не терпящим возражений – и промолчал. Сунул бумажку в карман, пожал плечами и вышел, плотно притворив за собой дверь.

Проводив его взглядом, Полина вздохнула, убавила свет лампы, подвинула табурет к топчану и села рядом с несчастным незнакомцем, время от времени промачивая его губы влажным тампоном из свёрнутого бинта. И только когда, глянув в окно, заметила, что в лесу начало светлеть, поднялась и вышла из избушки.

На рассвете лес был особенно красив – серый, призрачный, в лёгкой дымке тумана, но Полине было совсем не до этого. Она быстро нашла то, что искала – живокость росла вдоль ручья, у самой воды, адамова голова попала на сухом пригорке, иван-чай - на опушке. Она нарвала травы, подкопала ножом немного корешков, вернулась в избушку, поставила на печку чайник с водой.

Когда вода закипела, занялась травами: приготовила отвары и дала им настояться. Потом намочила в отваре свёрнутые в несколько раз полоски бинта и обложила ими раны мужчины. Он не открывал глаза, но ресницы его слегка дрогнули. Тогда Полина приподняла его голову и, взяв чайную ложку, осторожно, по капле, влила ему в рот настойку иван-чая...

К половине десятого утра вернулся Илья.

– Вот, взял всё, что ты сказала. А это твои кроссовки, на крыльце стояли.

Полина принялась обуваться, потом подняла глаза на Илью.

– Ну что тут у вас?

– Он очень тяжёлый, Илья, и не приходит в себя, – сказала она негромко, перебирая купленные им лекарства. – Будет чудом, если он переживёт эту ночь. Боюсь я, понимаешь? Потеря крови большая. И жар начинается. А это плохо, воспаление, значит, внутри сильное.

Илья нахмурился:

– Что ты предлагаешь?

– Вызвать помощь, – твёрдо сказала она. – Тут он долго не протянет. Даже с антибиотиками. Надо везти его в Александровск. Не дай бог, начнётся гангрена. Здесь нужен доктор.

Слабые пальцы мужчины поймали руку Полины и сжали её.

– Нет, – различила она едва слышный голос, больше похожий на свист. – Нет.

Глава 7

– О, Господи! – Полина склонилась над больным. – Вы меня слышите?

Но его ослабленные пальцы уже соскользнули с её руки, и он снова потерял сознание, так и не успев ответить на вопрос девушки.

– Втянул же ты меня в историю, Илья, – покачала она головой, поднимая глаза на стоявшего рядом с ней мужчину. – Ну да ладно. То, что он пришёл в себя, это хороший знак. Главное, чтобы он пережил эту ночь, она самая тяжёлая для него будет. А теперь иди домой, что же нам тут двоим над ним сидеть?

– Никуда я не пойду, – повёл плечом Илья. – С чего ты взяла, что я тебя тут одну оставляю?

– А что со мной будет? – удивилась Полина. – Крыша над головой есть, звери не проникнут. На ночь закрою дверь на засов, а сейчас и вовсе белый день. Кого я бояться должна?

– Всё равно, – упрямо повторил Илья. – Лучше я тут с тобой побуду.

– Как ты не понимаешь? – строго посмотрела на него девушка. – Я одна живу, меня дома никто не ждёт. А у тебя семья, ты женатый человек, Илья. И дети есть. Как же ты можешь их бросить? Так нельзя.

Илья молчал, и Полина заговорила снова:

– Ты хороший, Илья, правда. И добрый. Вон, человека незнакомого пожалел. Не побоюсь спасти его. Значит, есть у тебя сердце. Потому и прошу тебя, вернись домой, не делай несчастной свою семью. А сюда ты всегда сможешь вернуться, навестить нас. Ой, и на хутор ко мне загляни, управься по хозяйству. В сарае корма найдёшь, там у меня всё приготовлено.

– Я вечером вернусь, – не стал больше спорить Илья. – Поесть тебе принесу. Что ты любишь-то?

– Да мне всё равно, – улыбнулась Полина, радуясь, что сумела убедить его не бросать жену и детей. – Я не привереда. Что есть, то и ем. Да ты не беспокойся, там на полке я тушёнку видела и макароны, проголодаюсь – приготовлю. Так что можешь до утра ни о чём не беспокоиться.

– Сказал – приду вечером, значит – приду вечером, – хмуро сказал ей Илья, развернулся и вышел из избушки, плотно прикрыв за собой дверь.

Михайловка встретила Илью обычной деревенской суетой. Старик-сосед, окликнув его, спросил, поможет ли он ему в этом году заготовить сено для коровы. Тётка Мария, двоюродная сестра его матери, поинтересовалась, собирается ли он на охоту на дикого кабана, она бы купила у него сразу полтуши. Дочка с зятем и детьми через пару недель в гости едут, очень уж ей хочется угостить их дичиной.

Илья пообещал то и другое, а потом толкнул калитку своего дома, который сначала встретил его непривычной тишиной. Удивлённый Илья поднялся на крыльцо и протянул руку к двери, но она распахнулась сама и на пороге появилась разгневанная Нина.

– Явился, значит, кобель проклятый!? – напустилась она на мужа, дыша на него тяжёлым перегаром. – А кто тебя тут ждёт? Кому ты нужен? Думаешь, я плакать из-за тебя буду? Ха-ха-ха!

– Можешь не плакать, пить-то зачем? – сдвинул брови Илья. – Сама ведь говорила, что дитя носишь. Куда ж так напиваться?

– А какое твоё собачье дело, пью я или нет? – ещё громче захохотала Нина. – Иди к своей ведьме, и учи её жизни! А меня оставь в покое! Я и без тебя разберусь, что мне делать!

– Дети где? – отодвинув жену, Илья прошёл в дом и позвал сына и дочь. – Вика! Вовка!

– Вика, Вовка! – кривляясь, передразнила его Нина. – Посмотрите, люди добрые! Он ещё имена детей помнит! А вот нету их! Ты ушёл из дома, и они за тобой следом. Видишь, какая у меня теперь красота? Тишина и покой!

– Дети где? – Илья положил тяжёлую руку на плечо жены и слегка сдавил его.

– К бабке я их отвела!!! – взвизгнула Нина. – К матери своей! Доволен? А я ей всё рассказала! И про тебя, и про чертовку твою! Что, хорошо с ней в постели кувыраться? А со мной, значит, плохо было?

– Прекрати, – попросил Илья, и хотел было пройти в спальню, но Нина преградила ему дорогу.

– Куда?! – раскинула она руки, встав в дверях.

– Вещи свои возьму, – спокойно ответил ей Илья. – Переодеться хочу.

– Все твои вещи на заднем дворе в сожжённой куче валяются, – растянула губы в пьяной улыбке Нина. – Вчера ещё сожгла. Так что ничего тут у тебя, милый, нету! Иди к своей ведьме и пусть она тебя там поит, кормит, одевает! А сюда дорогу забудь!

Желваки на скулах Ильи мгновенно вспухли, он смотрел на жену и не верил своим глазам: неужели именно с ней он прожил столько лет? Неужели именно она была матерью его детей?

– Нин, давай по-хорошему, – проговорил он.

– А как это, по-хорошему? – вскинула она белёсые брови. – Что я должна сделать на радостях, что ты вдруг вернулся? Ужином тебя накормить и спать положить?! Ага, уже, милый мой! Не на ту напал! Иди к своей проклятой ведьме и пусть она тебя лягушками да крысиными хвостами кормит! Пошёл, пошёл отсюда!

Нина сильно толкнула его в спину обеими руками. Но Илья и сам уже направился к выходу и остановился только у калитки, где Нина догнала его и повисла на его шее, целуя мокрыми губами щёки.

– Не пушу! Куда ты? Илюша, опомнись! Опоила тебя зельем эта чертовка! Знаю, всё знаю! Сживёт тебя она с этого света! Не ходи! Как раньше жить будем! Всё тебе прощу!

Илья оторвал от себя жену и толкнул калитку.

– Хватит!

– Кобель проклятый! – заверещала снова Нина. – Чтоб вам всем пусто было! Илья вернись! Всё равно я вам жизни не дам! Попомнишь ещё мои слова! Илья!!!

Но он уже шагал по улице в ту сторону, где жили родители Нины. В их дом он вошёл молча, на кухне за столом увидел детей и крепко обнял их, потом поздоровался с тёщей и её матерью, Зинаидой Семёновной.

– Что ж ты вытворяешь? – хмуро спросила его старуха. – Хороший ведь мужик, как же тебя так повело?

Илья ничего не ответил, положил деньги на стол:

– Вот, Галина Николаевна. Это на детей. Пусть у вас поживут, пока Нина в себя придёт. Пить ей только не давайте больше.

И, поцеловав тёплые макушки детей, вышел из дома.

Столовая в особняке Владислава Семёновича Гальперина была просторной и светлой, залитой солнечным светом, который лился сквозь огромные панорамные окна от пола до потолка. Стены, выкрашенные в тёплый кремовый оттенок, украшали несколько картин в тонких золочёных рамах — абстрактные полотна в спокойных бежево-серых тонах. В центре стоял массивный стол из светлого дуба. На нём, в массивной хрустальной вазе, стояли свежие белые пионы, источавшие терпкий, сладкий аромат.

Было два часа дня. Гальперин сидел во главе стола. Он неспешно обедал в одиночестве, методично, как человек, привыкший контролировать каждую секунду своей жизни: отрезал ножом кусочек сочащегося стейка, отправлял в рот, запивал красным вином из бокала, делая ровно два глотка. Всё в его движениях было выверенным, почти скучающим.

Телевизор, встроенный в стенную панель слева от окна, работал на средней громкости. Рекламу сменил выпуск местных новостей. На экране появился корреспондент, стоящий у здания областной администрации.

– напоминаем нашим телезрителям, – говорил он встревоженным тоном, – что вот уже третьи сутки продолжается поиск известного бизнесмена, владельца строительной компании «Павленко-Строй», Александра Юрьевича Павленко. Последний раз его видели на парковке офисного центра вечером в четверг. Полиция отрабатывает все версии, однако на данный момент никаких зацепок нет. Если вы обладаете любой информацией о местонахождении господина Павленко, просим незамедлительно сообщить по телефонам, указанным на экране. Анонимность гарантируется.

Гальперин прожевал стейк, не отрывая взгляда от экрана. Глаза его были холодны, как лёд, лицо не выражало ни тревоги, ни беспокойства. Только желваки на скулах слегка напряглись, когда корреспондент произнёс слова «любая информация». Он отложил нож и вилку, взял бокал, сделал плоток. Поставил его на стол ровно в центр салфетки.

В этот момент раздался телефонный звонок. Гальперин вытер губы салфеткой, протянул руку и взял телефон. Но едва взглянул на определитель номера, как выражение его лица изменилось – в нём мелькнуло не просто внимание, а уважение, почти почтение. Он ответил на вызов, невольно выпрямившись.

– Добрый день, – голос его был ровным, мягким, без обычной жёсткой ноты. – Рад вас слышать.

Голос в трубке – низкий, спокойный, бархатный, – произнёс несколько слов. Гальперин слушал, чуть наклонив голову, и на губах его застыла лёгкая, почтительная улыбка.

– Да, это так, – ответил он. – Трагедия для нашей семьи. Мы все очень обеспокоены.

Собеседник что-то сказал, и Гальперин потёр подушечки пальцев.

– Благодарю вас за участие. Это очень ценно для меня. Да, вы правы, любая помощь может оказаться решающей. Пока мы надеемся на лучшее, но обстоятельства тяжёлые.

Он снова замолчал, слушая. Затем покачал головой, хотя собеседник не мог его видеть.

– Нет, Татьяна ничего не знает. Она в клинике, на сохранении. Врачи предписали полный покой. Я решил пока не беспокоить её этими известиями. Стресс может повредить и ей, и ребёнку. Да, внук должен родиться здоровым. Это прежде всего.

Слова собеседника, по-видимому, выразили одобрение. Гальперин благодарно кивнул ещё раз.

– Спасибо за поддержку. Буду держать вас в курсе. Всего доброго.

Дождавшись, когда собеседник отключит вызов, Гальперин аккуратно положил телефон, задержал на нём руку на секунду, затем развернулся к двери. Улыбка исчезла с его лица, и оно снова стало холодным, как маска.

– Витя!

Через мгновение в столовую бесшумно вошёл помощник – молодой человек в строгом костюме, с лицом без эмоций. Он остановился в двух шагах от Гальперина, склонил голову.

– Слушаю, Владислав Семёнович.

– Разыщи Руслана и Тимура. Сейчас же, – голос Гальперина звучал спокойно, но в нём чувствовался металл.

– Слушаюсь, – помощник развернулся и исчез за дверью.

Гальперин вернулся к столу, сел на своё место. Он больше не притронулся ни к стейку, ни к вину. Он просто сидел, глядя в одну точку перед собой, и пальцы его левой руки выбивали дробь по дорожной столешнице. Глаза его сузились, и в них зажглась опасная, холодная искра.

Ждать пришлось недолго. Не прошло и десяти минут, как дверь распахнулась, и в столовую вошли двое. Руслан – плотный мужчина лет тридцати пяти, с выпирающей вперёд челю-

стью, и Тимур – высокий, плечистый, с колючим взглядом. Они остановились у порога, не решаясь подойти ближе.

Гальперин смотрел на них, не мигая, и в комнате повисла гнетущая, давящая тишина.

– Ну? – проговорил он. – Вы всё сделали, как я сказал?

Тимур и Руслан переглянулись. Тимур кашлянул, опустил глаза.

– Ну сделали, Владислав Семёнович.

– Вы же понимаете, если я узнаю, что вы – голос Гальперина стал тише, но ещё опаснее.

Руслан не выдержал, шагнул вперёд.

– Мы мы его в лесу оставили, Владислав Семёнович. Всё, как вы велели. При нём ни документов, ни телефона, ни других личных вещей.

– Оставили? – переспросил Гальперин, и в голосе его звякнул лёд. – То есть бросили, какдохлую собаку? Недоумки! Я же сказал закопать его!!!!

Тимур вздрогнул.

– Он был ещё живой. Мы не решились. Да вы не переживайте, в той глуши его никто не найдёт. Пропал и пропал.

– Пропал – значит исчез с лица земли! – взорвался Гальперин. Он стукнул кулаком по столу так, что тарелка подпрыгнула, вилка звякнула. – А если его найдут в лесу? Если какой-нибудь грибник или охотник наткнётся? Если собаки возьмут след? Вы хоть головой думаете?!

Руслан побледнел.

– Мы мы хотели как лучше. Отвезли почти за триста километров отсюда. А там в лесу звери

– Молчать! – Гальперин вышел из-за стола и приблизился к ним вплотную. Он был ниже Тимура, но сейчас казался ему великаном. – Слушайте меня внимательно, придурки. Вы сейчас же берёте машину, едете обратно. Находите это место. И закапываете его так, чтобы никто и никогда не нашёл. Чтобы земля ровная была, чтобы ни одной приметы. Видеоотчёт мне снимете лично. Ясно? И не дай вам бог накосячить снова На куски порву. Обоих.

– Будет сделано, Владислав Семёнович

Мужчины резко развернулись и бегом направились к машине. Всего несколько часов и они будут на месте. Нужно только поторопиться и сделать всё как надо.

Глава 8

Старый Кондрат сидел на лавочке возле своего дома, грел на солнце ноющую поясницу, попыхивал свёрнутой козьей ножкой, набитой собственным табаком-самосадом, и смотрел, как квохчущие куры копошатся в пыли. День выдался солнечным и жарким, хотя в местной газетёнке (которую Кондрат выписывал исключительно для самокруток) в колонке для погоды уже который раз обещали неделю проливных дождей. Воздух был пропитан запахом пыльцы и сухой, выжженной солнцем земли. Кондрат сощурился, взглянув на безоблачное небо, затаился и выпустил изо рта облако белого, густого дыма. Он чувствовал себя почти счастливым – пока из дома не раздался голос жены, резкий, как скрип несмазанной двери.

– Кондрат! А ну иди сюда, паразит ленивый!

Он вздохнул, тяжело поднялся, опираясь на палку, и, кряхтя, побрёл в сени. В кухне пахло квашеной капустой и сдобой: Татьяна уже поставила в духовку пирог. Скоро они должны были обедать.

– Ну? – стукнул Кондрат палкой по половицам. – Чего тебе?

Татьяна стояла у печи, уперев руки в бока, и смотрела на него так, будто он был ей не мужем, а провинившимся мальцом.

– А ты мне тут своим копытом не стучи, – грозно сдвинула она брови. – Позвала, значит, дело есть. В ларёк сходи, чаю и конфет купи – «Ромашку» и «Ласточку». Да заварку бери, а не эту гадость в пакетиках.

– Ещё чего! Сама, что ли, сходить не можешь? – буркнул Кондрат, хотя уже знал ответ.

– Я-то могу, – кивнула Татьяна, снимая с плеча кухонное полотенце и перехватывая его поудобнее. – Я-то схожу, только тебя, сморчка старого, сначала так отделаю, что опять вешаться побежишь, супостат проклятый! Ирод!

– Да пошутил же я тогда, говорил ведь уже, – подпрыгнул на месте Кондрат и, схватив полотенце, выдернул его из рук жены.

– Шутник недоделанный! – вскипела Татьяна. – Обхохочешься, как смешно! Народ вон, до сих пор надо мной потешается! На улицу выйти стыдно!

Кондрат крикнул, почесал затылок. Спорить было бесполезно – вина его и впрямь была. Только Татьяна после той истории в сарае совсем невыносимая стала. То она ворчит на него целыми днями, то молчит — и слова из неё не вытянешь. По мнению Кондрата, это молчание было самым страшным оружием в арсенале его жены.

– Ладно, ладно, пойду. Деньги давай, – пробурчал он себе под нос, бросая полотенце на стол. – Ишь, генеральша какая выискалась. Раскомандовалась тут. Колоша старая

– Что ты сказал? – донёсся голос из комнатушки, куда Татьяна ушла за деньгами.

– За пирогом, говорю, смотри хорошенько! Горелый сама есть будешь, – огрызнулся Кондрат, взял деньги, сунул их в карман и, хлопнув дверью, вышел на улицу.

Дорога до ларька была долгой – минут двадцать неспешным шагом. Кондрат шёл, прихрамывая, опираясь на палку, и смотрел по сторонам. Жизнь в Берёзовом всегда текла размеренно, а в такую жару просто вымирала: люди прятались по домам, детвора сбегала на речку, только куры копошились в траве, да собаки, высунув языки, устраивались поудобнее где-нибудь в тени для полуденного сна.

И никто не обращал на старика никакого внимания.

– Что, Пират, жарко? – Кондрат знал в родном хуторе каждого пса. – Вот то-то ж! Радуйся, что у тебя старухи нету, а то тоже сейчас вместо отдыха по ларькам всяким шлялся Чаю ей, видите ли, захотелось Принцесса

Вдруг, проходя мимо дома Полины, Кондрат машинально глянул через плетень и остановился, как вкопанный. У сарая, где Полина держала кур, стоял мужчина – крепкий, плечистый, в серой рубаше – и возился с дверцей.

Любопытство было главным грехом Кондрата, с которым он не считал нужным бороться, а потому старик свернул к калитке, толкнул её – та, скрипнув, поддалась, – и шагнул во двор. Мужчина обернулся, и Кондрат узнал его.

– Ба! Илюха? – удивился Кондрат, прищурившись. – Ты, что ли? А я гляжу – мужик какой-то в Савельевском дворе объявился. Ты, никак, подженился на нашей Полинке? Или воровать залез?

Илья усмехнулся, вытер руки о штаны, шагнул к старику навстречу, протянул ему широкую, как лопата, ладонь:

– Здорово, Иваныч. Воровать не приучен – не та профессия. А жениться... – он хмыкнул, оглянулся на дом. – Жениться так в самую пору.

– Как в самую пору? – Кондрат от удивления округлил глаза. – Ты ж вроде женатый, Илюха. Дети у тебя, жена Нинуха. Грудастая такая она и зад крепкий. Есть за что подержаться. Разошлись, что ли? А? Или так гульнуть решил?

– Не приставай, дед, – попытался отмахнуться от него Илья, как от назойливой мухи. – Что ты мне допросы устраиваешь? Ты что, свёкор Полине?

– А ты, мил человек, не увиливай, – постучал об землю палкой старик. – Ну, говори, зачем тебе Полинка сдалась? Что, у вас в Михайловке бабы закончились?

– Таких, как ваша Полинка, больше нигде нету, – ответил Илья, и в голосе его послышалась странная уверенность.

Кондрат покивал, задумчиво почесал бороду.

– Ну да, ну да... Полинка – девка с лица видная, спору нет. Тоща только, как муравей. Ты, небось её талию обеими ладонями сожмёшь и пальцы сойдутся. А всё ж зря ты к ней, Илюха, пристаиваешься. Сам ведь знаешь, говорят про неё всякое.

– Говорят, что кур доят, а коровы яйца несут, – усмехнулся Илья, подталкивая его к калитке. – Ладно, дед, некогда мне с тобой.

– Да подожди ты! – заторопился Кондрат. – Что не признаёшься-то? Где Полинка? Что-то не видать её сегодня.

– В город уехала, – ответил Илья. – По делам. А меня попросила за хозяйством присмотреть. Всё? Или ещё вопросы есть?

– Ну да, ну да, – снова кивнул Кондрат, и в глазах его зажглось недоверие. – Хозяйство доглядеть... А что ж она тебя, а не меня попросила? Я-то рядом живу.

– Может, потому что я помоложе? – усмехнулся Илья. – И работать привык руками, а не языком

Кондрат хотел ответить что-то колкое, но в этот момент справа донёсся нарастающий гул мотора. Старик обернулся и едва успел прижаться к забору, как по узкой дороге, поднимаемая облака серой пыли, на бешеной скорости пролетел чёрный внедорожник с тонированными стёклами. Машина пронеслась мимо дома Полины, чуть не задев старика, и скрылась за поворотом.

– Язви тебя! – закричал Кондрат, погрозив вслед кулаком. – Чуть не задавил, оглашенный! Куда прёшь, ирод! Тут люди ходят!

Илья вышел на дорогу, приставил ладонь козырьком ко лбу, вглядываясь вдаль через облака оседающей пыли. Лицо его стало напряжённым, задумчивым. Он смотрел вслед чёрной машине, пока та не исчезла из вида.

– Кто ж такие? – удивился Кондрат, подходя к нему. – На охотников не похожи, на рыбаков тоже. У наших таких машин отродясь не бывало. Может, из города кто? Начальство какое?

– Может и начальство, – неопределённо ответил Илья. Взгляд его остался тяжёлым. – Ладно, дед, бывай! Мне пора.

– Куда это ты? – удивился старик, заметив, что Илья направляется в противоположную от Михайловки сторону.

– Дела, – коротко бросил он и зашагал в сторону Голыбино.

Солнце стояло в зените, и его лучи пробивались сквозь густую листву, рассыпаясь по лесному мху и траве золотистыми пятнами. Воздух, одуряюще густой, напоённый терпким запахом нагретой хвои и листвы, сладковатым ароматом лесных цветов и горькой прелью влажной земли, дрожал от малейшего дуновения ветерка и казался сероватым колышущимся маревом. Отовсюду слышалось стрекотание кузнечиков, перекрываемое время от времени звонкой трелью дрозда. Где-то вдаль настойчиво стучал дятел, а в валежнике шелестели листья под чьими-то осторожными лапами. Над поляной, залитой солнечным светом, гудели шмели и деловито перелетали с цветка на цветок золотистые пчёлы.

– Вот твари! – ударил себя по шее Тимур, прихлопывая сразу несколько комаров, которые тучами кружили и жужжали над незадачливыми горожанами.

Руслан шёл первым, зло отбрасывая ногой сухие ветки, и то и дело останавливаясь и оглядываясь по сторонам. Тимур плёлся следом, хлопая себя по лицу, шее, рукам и завывая от боли, которую ему причинял лесной гнус.

– Ну и где? – спросил он, останавливаясь и вытирая пот со лба. – Где дубы? Где твой овраг? Третий час бродим, как слепые котята.

– А я знаю? – огрызнулся Руслан. – Ты тоже здесь был. Что ж место не запомнил?

– Да пошёл ты! – Тимур ударил себя по щеке.

– Я пошёл?! – Руслан резко повернулся к нему. – А кто тогда разнылся, что яму копать не будет? Устал, бедненький! Если бы не твоя тупость, мы бы вообще сюда не вернулись. Надо было сразу всё делать по-нормальному.

– Откуда я знал, что так будет?! – Тимур повысил голос. – Я что, специально?

– Специально! – рявкнул Руслан и сплюнул на землю. – Ладно, хватит. Если мы не найдём тело – Гальперин нас самих закопает.

Тимур промолчал. Он знал, что Руслан прав. Гальперин шутить не привык.

– Да как его найти-то? Мы же ночью были

– Воздух нюхай, – посоветовал ему Руслан. – И давай поделимся: ты в эту сторону иди, а я пойду в ту.

– Зачем нюхать? – не понял Тимур.

– Падаль далеко воняет – пояснил Руслан.

Они разбрелись в разные стороны, но новые поиски снова ничего не дали.

– Надо ехать в деревню, – сказал Тимур, устало усаживаясь на поваленный ствол дерева.

– Что? – Руслан уставился на него, как на безумца. – Ты охренел? Нам светиться нельзя! Нас же увидят, запомнят...

– А ты тут до зимы тыкаться собираешься? – возразил Тимур. – Надо расспросить местных. Аккуратно, тихо. Узнать, не случилось ли чего у них тут в последние дни. Может, кто-то уже нашёл его. А может, сам выжил и куда выбрался. Тут же все про всё знают. На крайняк, узнаем, где у них тут дубовая роща. Там ведь дубы были

Руслан задумался, почесал подбородок. В словах Тимура была логика. Проклиная всё на свете, он махнул рукой.

– Ладно. Едем в деревню. Только езжай осторожно, не лихачи. Куда гонишь? Старика того чуть не сшиб Нам лишние проблемы не нужны. Ясно?

– Ясно.

Через полчаса чёрный внедорожник въехал в Голыбино – деревеньку, особенно полюбившуюся в последнее время дачникам. Они целыми семьями приезжали сюда из душных, пропитанных выхлопными газами городов и жили по месяцу, а то и больше, наслаждаясь дикой природой и благодатным, безмятежным покоем. Тимур припарковался у крыльца одноэтажного здания с новенькой вывеской «Продукты» и заглушил двигатель.

Руслан вошёл в магазин первым и тут же столкнулся с местным охотником – крупным мужчиной в камуфляжных штанах и футболке цвета хаки. За плечами у него висело ружье, а в руках он нёс чёрный пакет, набитый продуктами.

– Ты чё, широкий? – грубо бросил ему Руслан, вскинув голову, когда тот нечаянно толкнул его плечом.

– Глаза разуй, тут люди ходят! – появился за спиной Руслана Тимур.

Мужчина остановился. Он был выше Руслана на полголовы, плечи – косая сажень, лицо обветренное, с жёсткой щетиной. Взгляд его – спокойный, но опасный – скользнул по Руслану, потом по Тимуру. Он ничего не ответил, лишь чуть сощурился, развернулся и, не сказав ни слова, зашагал прочь.

– Немой, что ли, – хмыкнул Руслан, но в голосе его послышалось напряжение.

– Вам чего, мужчины? – донесся от прилавка грудной женский голос.

– Здравствуй, красавица, – Руслан повернулся и призывно улыбнулся рыжеволосой женщине лет сорока. – Как зовут тебя, моя прелесть?

– Светлана, – засияла продавщица. – Что вам предложить?

– Себя, – рассмеялся Тимур, но Руслан обжёг его недовольным взглядом и тот, хмыкнув, отвернулся.

– Мы тут у вас впервые, вот заблудились немного, – продолжил Руслан. – А тут смотрим, такая красавица скучает.

– Да, – Светлана кивнула. – У нас тишина, глухомань. Скукота смертная. Хоть волком вой

– Что, совсем ничего интересного? – облокотился на прилавок Тимур и скользнул взглядом по пышной груди женщины.

Она пожала плечами.

– Ничего.

– Ясно, – кивнул Руслан. – А ты замужем? Или может согласишься прогуляться с нами по дубовой роще вечером.

– О! – махнула рукой Светлана. – Не замужем. Но гулять с вами не пойду. До дубовой рощи пока дойдёшь, все ноги собьёшь. Километров семь пешком топать надо.

– А что, там дорог нет никаких?

– Есть одна, наши по ней траву косить в лес ездят, только это вам у мужиков спросить надо. Илью Дорошина вон догоните, спросите у него, это наш охотник из Михайловки. Он тут все дороги как свои пять пальцев знает.

Руслан и Тимур, купив сигарет, хлеба, колбасы и холодного пива, вышли из магазина и остановились на крыльце. Закурили.

– Ну и где этот Илья Дорошин? – посмотрел по сторонам Тимур.

– Без него обойдёмся, – выдохнул струюку дыма Руслан. – Поехали. Я вспомнил, где мы тогда свернули. Гадом буду, теперь не ошибусь.

Они затушили окурки, сели в машину и уехали. Чёрный внедорожник скрылся за поворотом, и поднявшаяся пыль осела на дорогу.

Столкнувшись с Русланом, Илья вышел из магазина и остановился. Он узнал голоса. Те самые – грубые, наглые, которые он слышал в лесу. Значит, они вернулись, чтобы найти того парня. Илья вернулся к двери, прислушался к разговору мужчин с продавщицей, а потом едва успел спрятаться, чтобы не попасться им на глаза.

Слышал он и их разговор на крыльце, и, едва внедорожник скрылся за поворотом, вышел из своего укрытия и торопливо зашагал к лесу.

Глава 9

Ближе к вечеру, небо стало затягивать густыми белыми облаками, которые очень быстро тяжелели и снизу наливались свинцом. Духота стала невыносимой, и Илья, шагнув под сень деревьев, наконец-то смог вдохнуть живительной прохлады. Его всегда успокаивал этот лес, где он знал все овраги, ручьи, ложбины и поляны, но сейчас он забыл о покое – его сердце билось гулко и часто. Он не мог допустить, чтобы эти двое даже случайно наткнулись на Полину. Глухая девчонка совсем не имеет никакого страха, ходит повсюду, собирая свои травы, медведя приручила, постоянно подкармливает зверьё – то зерна для птиц насыплет, то сухарей оставит на беличьих тропах. Колдунья лесная. Только о себе позаботиться не может...

Подумав об этом, Илья прибавил шаг. Слишком далеко он находится сейчас от охотничьей избушки, а ему нужно успеть туда раньше посланных кем-то бандитов.

Солнце уже клонилось к закату, и лес начал погружаться в густые сиреневые сумерки, когда Руслан, шедший впереди Тимура, так резко остановился, что тот налетел на него, ткнувшись ему в спину.

— Чего ты?

— Смотри! — Руслан показал ему на три старых дуба, корявые ветви которых переплелись вверху, образуя плотный, непроглядный полог. А на земле, из-под толстого слоя сваливавшихся прошлогодних листьев и мха проросла молодая поросль дубов. — Узнаёшь?

Тимур окинул взглядом это место и вдруг, негромко вскрикнув, наклонился и поднял смятую пачку сигарет.

— Мои! — рассмеялся он. - Помнишь, когда мы в машину сели я их искал. Вот они оказывается, где были. Получается, я в ту ночь их выронил, когда мы его тащили. А потом схватился и не нашёл.

Руслан взял пачку у него из рук, внимательно осмотрел и повертел в пальцах.

— Ты бы ещё свой паспорт обронил здесь, — зло процедил он сквозь зубы и сунул сигареты в свой карман. — Совсем ничего не соображаешь, что ли?

— Может быть хватит меня жизни учить? — огрызнулся Тимур. — Строишь из себя...

— Ладно, хватит, — оборвал его Руслан. — Скажи лучше, куда наш покойничек делся?

— Может зверьё? — пожал плечами Тимур.

Руслан смерил его насмешливым взглядом:

— Ну да! Сожрали вместе с одеждой и ботинками. Ты хоть можешь себе представить, что бы мы сейчас тут нашли, если бы его действительно растерзали звери? А тут, смотри, ни кровинки, ни лоскута никакого нет. Трава только примята. Сам уйти он никуда не мог. В этом я уверен. А это значит...

Вместо ответа Тимур тоже принялся осматриваться. Он подошёл к одному из дубов, к тому, что был помоложе, и остановился, присматриваясь к чему-то. На коре дерева, чуть выше метра от земли, виднелась выщерблина — ещё совсем свежая, с торчащими щепками. Это был след от пули, которую он выпустил в ту ночь.

Тимур осторожно потрогал его пальцами, потом поманил Руслана:

— Иди-ка сюда! Помнишь? Тут кто-то был, мы ещё подумали, что это зверь. Но, похоже, нас кто-то видел. Вот только кто тут мог шляться в такую глухую ночь?

— Кто-нибудь из местных, — Руслан выпрямился и посмотрел на Тимура. Глаза его сузились. — И этот кто-то забрал нашего красавца. А это может означать только одно: он жив, потому что мёртвого никто забирать бы не стал. И если мы не найдём его и того, кто помог ему, Гальперин сделает неживыми нас. И это будет очень больно.

- Получается, нам нужно искать его в какой-то из ближайших деревень? – в сторону махнул рукой Тимур.

- Да, но сначала мы всё обобщем здесь...

- Согласен, - кивнул Тимур. - Поехали, найдём какой-нибудь ночлег, а утром вернёмся сюда и начнём поиски.

— Нет, - покачал головой Руслан. - У нас с собой еда, вода, фонари, я даже захватил прибор ночного видения. Так что полчаса на перекус и отдых, а потом вперёд. И даже не думай мне возражать.

— Ладно, пошли к машине, - согласился с ним Тимур. - Может быть ты и прав.

Полина обработала раны несчастного парня, сделала нужные уколы, потом приподняла его голову и влила ему в рот несколько ложек свежесваренного бульона.

— Вот и молодец, — похвалила она его за усилия. — Сейчас остынет отвар, ты выпьешь его и будешь спать. А пока потерпи немного.

— Ты... кто... - едва слышно произнес он.

- Меня зовут Полина, а тебя? - улыбнулась она ему и промокнула губы.

- Са...ша...

- Ну вот и познакомились, - сказала Полина и хотела добавить ещё что-то, но в это время дверь в избушку открылась и на пороге появился Илья.

- Нам нужно уходить отсюда, - сказал он, хмурия брови.

- Почему? - не поняла Полина. - Что случилось?

- Его ищут, - кивнул на Александра Илья. - И убьют всех, кто пытался помочь ему.

Полина нервно улыбнулась:

- Илья, мне кажется, что ты немного преувеличиваешь. Кто будет его искать здесь?

- Тот, кто уже попытался избавиться от него, - ответил ей Дорошин. - И теперь их задача довести задуманное до конца.

Он подошёл к Александру и попытался приподнять его, но силы уже оставили раненого, он захрипел и обмяк в руках Ильи.

- Да что же ты делаешь?! - бросилась к ним Полина. - Ты сам быстрее добьёшь его! Как ты это не понимаешь? Его нельзя трогать, ему только-только стало лучше!

- Хорошо, - внезапно согласился Илья и опустил впавшего в беспамятство парня на топчан. - Тогда должна уйти ты. Прямо сейчас. Я провожу тебя до дороги и вернусь сюда. Так ты не попадёшься им на глаза и сможешь выйти к дому, где будешь в безопасности.

- Я не могу, - проговорила Полина, качая головой. - Ты один не справишься. Тебе будет нужна моя помощь.

- Я сказал - уходи! - прорычал Илья. - Они выйдут к избушке по следам, но я не дам им забрать его. Поверь, я знаю, что делаю.

- Илья...

- Ну как ты не понимаешь? - он взял её за плечи и заглянул ей в глаза. - Я знаю, что делаю и сумею защитить его. И себя. Но если ты будешь здесь, я буду думать только о тебе. И мне будет плевать на парня, потому что он никто для меня. А ты...

- Хорошо, я уйду, - сказала Полина.

- Давай я провожу тебя, - обрадованно выдохнул Илья. - И, пожалуйста, больше не спорь со мной...

Они вышли из избушки, когда по листьям ударили первые капли дождя.

- Давай быстрее! - Илья взял её за руку и увлёк за собой в темноту.

Они шли быстро и поднявшийся ветер скрывал их шаги, а тугой и крупный летний ливень не позволял вдохнуть полной грудью.

- Возвращайся, дальше я сама... - внезапно остановилась Полина. - Я знаю куда идти и не заблужусь.

Илья взял её лицо в ладони и мягко поцеловал мокрые сочные губы:

- Как скажешь, любовь моя... - прошептал он и исчез в густом кустарнике, прежде чем она смогла хоть что-то ответить ему.

Илья вернулся к избушке через двадцать минут и остановился невдалеке, прислушиваясь к приглушённым голосам, которые до него донёс ветер. Эти двое всё-таки нашли Александра и теперь пытались рассмотреть внутри хоть что-то через маленькое окошко, очевидно, не решаясь, сразу войти внутрь.

- Печёнкой чую, он там... - проговорил Тимур, передёргивая затвор пистолета.

- Иди, - кивнул ему Руслан. - Я подстрахую тебя здесь.

Немного помявшись, Тимур шагнул к крыльцу, явно не желая показаться трусом. Но не успел он открыть дверь, как за его спиной раздался оружейный выстрел.

- Стреляй! Они там!!! - заорал он не своим голосом, скатываясь с крыльца и зажимая ладонью простреленную ногу. Потом откатился за какую-то бочку и тоже открыл стрельбу вслед за Русланом.

Илья перебежал за другое дерево и выстрелил ещё раз. Но вдруг охнул и стал оседать на землю...

Дождавшись, когда Илья уйдёт, Полина ещё долго не могла сдвинуться с места. Она никак не решалась оставить его наедине с опасностью, и в то же время не знала, чем сможет ему помочь.

Однако, услышав выстрелы, не раздумывая, бросилась назад, боясь только одного - что она может не успеть.

Глава 10

– Зараза!!! – завопил Тимур, когда опустошил всю обойму и понял, что остался беззащитным перед этим лесным человеком. Илья осторожно коснулся распоротой пулей кожи щеки и уха, зашипел от боли и выругался. Потом, поняв, что у противника закончились патроны, быстро зарядил ружье, прячась за кустами, подобрался к избушке и, выскочив оттуда, наставил ружье на Тимура, который пытался подобраться к пистолету лежавшего без сознания Руслана.

Илья отбросил оружие ногой и ткнул ружьём в Тимура.

– Ещё раз рыпнешься, башку разнесу

– Ты кто такой? Что тебе надо?! – Тимура трясло от страха, боли и злости.

– А вам что тут надо? – вопросом на вопрос ответил Илья.

– Мы ищем одного человека

– Кроме меня и зверья здесь никого нет, – сказал Илья. – Тут моя территория и вам, городским, тут делать нечего. Так что давай, поднимайся, забирай своего друга и проваливай туда, откуда пришёл

– погоди, я тебя где-то уже видел – отчаянно вглядывался в нависшую над ним фигуру Тимур. Лицо его перекосило от ярости.

Дождь хлестал по деревьям, бил тугими струями по крыше избушки, барабанил по стёклам, ручейками стекал по плечам и окровавленному лицу Ильи.

– Видел, ну и радуйся, а теперь проваливай

Тимур поднялся и, шатаясь, взвалил на плечи бесчувственного Руслана – пуля Ильи раздробила его плечо. Сделав пару шагов, Тимур обернулся и прошипел сквозь зубы:

– Зря ты в это ввязался. Я тебя запомнил, мужик. Хорошо запомнил. И мы ещё встретимся.

– Вали отсюда подобра-поздорову, – ответил Илья, не опуская ружья. – Пока я не передумал.

Тимур сплюнул, подхватил Руслана поудобнее и, пошатываясь, двинулся в темноту. Дождь мгновенно поглотил его фигуру, и через несколько секунд только шум ливня заглушил его тяжёлое дыхание и шаги.

Илья опустил ружьё, прислонил его к крыльцу и присел на ступеньку. Дождевые капли смешивались с кровью, стекавшей по его щеке, и он чувствовал жгучую боль в рассечённом ухе и на скуле. Пуля прошла вскользь, но оставила глубокий порез – от щеки до уха. Кровь текла по шее, пропитывая воротник футболки. Он стянул её через голову, подставляя ничем не защищённое тело упругим струям, стиснул зубы и закрыл глаза.

Из темноты выбежала Полина. Мокрая насквозь, с прилипшими к лицу волосами, она увидела Илью, сидящего на крыльце в лужице стекающей по нему крови, и вскрикнула, прижав ладони ко рту.

– Илья! Господи! – она бросилась к нему, упала на колени рядом, осторожно коснулась его лица, заглянула в глаза. – Ты ранен! Илья!

Он медленно поднял голову, и на губах его появилась мягкая улыбка.

– Пустяки. Царапина. Пуля задела по касательной. Ты зачем вернулась?

– Где они? Где эти люди? – Полина оглянулась, боясь, что они появятся сейчас снова.

– Ушли, – Илья встал, взял её за руки, поднял и притянул к себе. – Я же обещал...

– О! Я так испугалась.

Полина всхлипнула и прижалась лбом к его мокрому плечу. Дождь лил, не переставая, а они стояли так, обнявшись, под открытым небом, не замечая ни пронизывающего ветра, ни хлещущего дождя, ни обступившей их со всех сторон ночи. И Илья, несмотря на жгучую боль,

чувствовал себя самым счастливым человеком на свете. Потому что его любовь была рядом. Потому что он смог её защитить.

– Пойдём в избушку, – сказала Полина, осторожно отстраняясь от него. – Нужно обработать твою рану.

Полина зажгла лампу, поставила её на стол, и жёлтый свет озарил комнату. Александр по-прежнему лежал на топчане, он был в сознании и с тревогой смотрел на Полину и Илью.

– Что это? Кто стрелял?

– Не бойтесь, Саша, – ответила она на его вопрос. – Всё хорошо. Но нам придётся отсюда уйти.

Она взяла бинт, ковш с водой, какой-то настой в тёмной бутылке. Илья сидел на лавке, и она начала аккуратно промывать его рану, смывая кровь и грязь. Илья морщился, но терпел.

– Сильно? – спросил он.

– Да, Илья, шрам останется точно, – ответила она, ловко накладывая повязку. – На всю жизнь.

– Шрамы украшают мужчину, – усмехнулся он.

Она покачала головой, достала шприц и ампулу – те же лекарства, что колола Александру.

– Это антибиотик. Чтоб заражения не было.

Илья молча дал сделать укол, потом Полина села напротив и, наконец, спросила:

– Ну а что с теми людьми?

Илья пожал плечами.

– Я никого не убил, – сказал он. – Только ранил. Они вернутся, но не скоро.

– Нам нужно уходить, – твёрдо повторила Полина. – Сейчас. Немедленно. Саша не может оставаться в этой избушке – здесь слишком опасно. Я заберу его к себе на хутор. Буду лечить там.

– Нельзя, – вскинул на неё взгляд Илья.

– Другого выхода нет, – ответила она. – Здесь его найдут. А обо мне они не знают.

Илья долго молчал, глядя на неё. Потом кивнул.

– Хорошо. Тогда собирайся.

Через двадцать минут они снова вышли в ночь, под проливной дождь. Илья взвалил на спину Александра, который только тихо застонал от оглушающей боли. Полина шла впереди, время от времени останавливаясь, чтобы дождаться Илью, сгорбившегося под своей ношей. Едва на востоке забрезжил серый рассвет, они вышли к хутору и через заднюю калитку попали на подворье Полины.

В доме Александра уложили в боковушке, той самой, где когда-то жила младшая сестра Полины, Василина. Комната была маленькой, с деревянным распашным окном и старенькой кроватью. Полина укрыла парня одеялом, сделала укол, поставила у кровати кружку с водой.

– Теперь он в безопасности, – сказала она, выпрямляясь. – Хотя бы на время.

Илья стоял у двери, мокрый, уставший, с белой повязкой на пол-лица. Полина повернулась к нему.

– А теперь, Илья, ты должен вернуться домой. Дальше я справлюсь сама.

Они вышли в комнату, оставив Александра одного, и Илья остановился в полуметре от девушки. Глаза его блестели в полумраке.

– Уйду, если поцелуешь меня.

Полина замялась, губы её дрогнули. Она шагнула вперёд и поцеловала его – неловко, украдкой, едва коснувшись его губ.

– Не так

Илья обхватил её за талию, притянул к себе и поцеловал уже по-настоящему – крепко, горячо, так, что у неё перехватило дыхание.

Они оба не заметили, как за окном мелькнула тень, и чьё-то лицо на несколько секунд прижалось к стеклу и тут же исчезло.

Полина отстранилась от Ильи:

– Не надо так, – сказала она. – Больше не надо А теперь уходи, пожалуйста Я очень тебя прошу

Илья протянул руку, провёл ладонью по её волосам, убрал прилипшую прядь с лица и ушёл, ни разу не обернувшись.

Дождь хлестал по лицу, заливал глаза, смешивался с кровью. Тимур тащил на себе Руслана, перекинув его здоровую руку через свою шею, и каждые несколько шагов спотыкался, скользя ногами по мокрой глине. Лес вокруг был чёрным, плотным, как стена, и только редкие вспышки молний вырывали из темноты мокрые стволы и переплетённые корни.

– Чёрт чёрт чёрт, – выдыхал Тимур сквозь стиснутые зубы, едва переставляя ноги, скользя и падая на колени, каждый раз завывая от боли. Руслан был без сознания, тяжёлый, как мешок с песком, и каждое движение давалось Тимур с нечеловеческим усилием. Раненая нога горела огнём, пуля, застрявшая в мякоти, напоминала о себе при каждом шаге острой, простреливающей болью.

Но он шёл и шёл через темноту, пока ноги не подкосились окончательно и они оба рухнули в овраг – Тимур первым, кубарем покотившись по мокрой глине, а Руслан следом, тяжёлым, безжизненным телом. Тимур ударился спиной о корягу, взвыл от боли, закусил губу до крови. Он лежал так долго, не в силах пошевелиться, слушая, как дождь барабанит по листьям и как где-то рядом капает вода с намокших веток.

– Тимур – раздался рядом слабый, сиплый голос. – Тимур помоги

Руслан пришёл в себя. Он лежал на боку, лицом в грязи, и пытался приподняться на локте, но рука подломилась, и он снова упал. Правая рука висела безжизненной плетью, а кровь из раны на плече смешивалась с дождевой водой, растекаясь по земле чёрной лужей.

– Тимур я истекаю кровью помоги добраться до машины выедем туда, где есть связь, вызовем врача

Тимур с трудом сел, опёрся спиной о скользкий ствол рухнувшего дерева. Посмотрел на Руслана – и в глазах его не было ни жалости, ни сочувствия. Только усталость. Злоба. И страх.

– Я тоже ранен, – сказал он глухо. – Но тащил тебя всю дорогу. Больше не могу. Дальше – каждый сам за себя.

Руслан поднял голову, и в наступающем рассвете Тимур увидел, как его лицо исказилось от ненависти.

– Ты что несёшь? А? Или напомнить, сколько раз я тебя выручал? Вечно твою шкуру спасал. Забыл да? В позапрошлом году, когда ты с Севкой прокололся, кто тебя прикрыл? Я! А когда ты в карты проигрался Князю, а потом ещё и Барыге должен был, кто за тебя словечко замолвил? Я!

– Заткнись, – оборвал его Тимур, и голос его дрогнул.

– Не заткнись! – злость придала Руслану силы и он, оттолкнувшись от земли, перевернулся. – Ты обязан мне, Тимурчик! По гроб жизни! А теперь хочешь меня здесь бросить?!

– А что я должен, по-твоему, сделать? – заорал Тимур, и голос его сорвался на визг. – Сдохнуть тут с тобой, чтоб тебе легче стало?! Мы оба ранены, у нас нет связи, до машины ещё чесать и чесать, а этот мужик с ружьём, может, уже вызвал ментов! Если я останусь с тобой – нас обоих повяжут! Ты этого хочешь?

– Не бросай меня – Руслан всхлипнул и голос его стал тихим, почти детским. – Тимур пожалуйста не забуду

Тимур тяжело поднялся, опираясь на подвернувшуюся под руку палку. Подошёл к Руслану, остановился над ним. Тот лежал на спине, глядя в небо, и дождь заливал его перепачканное грязью лицо.

– Прости, Руслан, – тихо сказал Тимур. – Так надо.

Он наклонился, протянул руки. Руслан, увидев его лицо, понял всё. Глаза его расширились, он открыл рот, чтобы закричать, но Тимур уже не дал ему этого сделать. Резкое движение – раздался сухой, тихий хруст шейных позвонков. Тело Руслана дёрнулось раз, другой, выгнулось дугой и обмякло. Глаза его остекленели, продолжая смотреть в начинающее светлеть небо.

Тимур отшатнулся, тяжело дыша. Руки его дрожали, а к горлу подступила тошнота. Откашлявшись в сторону, Тимур склонился над землёй. А когда почувствовал, что ему стало немного легче, с трудом поднялся, схватил тело Руслана за ноги и потащил его к полуметровой яме, наполовину заполненной дождевой водой, с осыпавшимися краями. Тело шлёпнулось в жидкую грязь, и вода сомкнулась над головой, скрыв лицо. Тимур лихорадочно начал забрасывать яму ветками, сучьями, камнями – всем, что попадалось под руку. Дождь старательно помогал ему, смывая следы и пряча улики.

Закончив, Тимур, не позволяя себе окончательно обессилить, поднял с земли палку, опёрся на неё, как на костыль, и, хромая, двинулся вперёд – туда, где, по его расчётам, должна была стоять машина.

Было уже позднее утро, когда он, наконец, отыскал ту самую опушку. Чёрный внедорожник стоял на том же месте, мокрый, блестящий от ночного дождя. Тимур подошёл, открыл дверцу, рухнул на сиденье. Долго сидел, собираясь с мыслями, потом завёл двигатель, включил фары и выехал на размытую дорогу. В салоне остро пахло сыростью, кровью и потом, вызывая у Тимура новые приступы тошноты. Но он, стискивая руль побелевшими пальцами, смотрел только вперёд, стараясь не думать о том, что осталось позади, в мокрой земле, под слоем веток и грязи.

Глава 11

Палата в частном роддоме была светлой, просторной, с высокими окнами, за которыми сияло голубое небо. На подоконнике стоял букет белых роз, на стене тихо работал телевизор, но звук был убавлен почти до нуля. Владислав Семёнович Гальперин сидел на стуле у кровати дочери и держал на руках крошечный свёрток – своего внука. Младенец спал, смешно морщил носик и едва слышно посапывал. Впервые за много дней на лице Владислава Семёновича появилась настоящая, тёплая улыбка. Он смотрел на малыша, и в глазах его на мгновение мелькнуло что-то, похожее на нежность.

– Красавец, – сказал он тихо, покачивая ребёнка. – Весь в нас, Гальпериных. Породистый у меня внук. Глаза, нос – мои.

Татьяна, бледная, с кругами под глазами, но счастливая, откинулась на подушки и смотрела на отца с благодарной улыбкой. Она погладила край одеяла, помолчала немного, а потом сказала, стараясь, чтобы голос звучал ровно:

– Пап А Саша звонил? Он знает, что я родила? Ты ему сообщил?

Гальперин замер на долю секунды, но сразу взял себя в руки. Улыбка не сходила с его лица, когда он поднял глаза на дочь.

– Звонил, – ответил он спокойно. – Он просил передать, что очень рад и что любит вас обоих. Но ему пришлось срочно уехать. По делам.

– Уехать? – Татьяна приподнялась на локте, лицо её вытянулось. – Куда? Когда он вернётся? Почему он сам мне не позвонил?

– Танюша, не волнуйся, – Гальперин одной рукой продолжал держать внука, а другой мягко коснулся плеча дочери. – Ты же знаешь наш бизнес, у нас все дела очень важные и срочные. Как только Саша сможет, он сразу же вернётся. А пока он просит передать тебе, что всё будет хорошо. Ну, малышка Ты же знаешь своего мужа: если он говорит, что справится, значит, справится.

– А почему он не звонит? – голос Татьяны дрогнул. – Его телефон отключён. Я звонила раз двадцать.

– Наверное, там, где он, нет связи, – Гальперин пожал плечами с невозмутимым видом. – Ты не переживай. Главное – ты и малыш. А Саша вернётся, обнимет вас обоих и всё расскажет.

Татьяна хотела ещё что-то спросить, но в этот момент на телефоне Гальперина зажужжал вызов. Он извинился, аккуратно передал ребёнка медсестре, которая тут же подошла, и вышел в коридор. Взглянув на экран, он увидел имя – «Влад». Лицо его мгновенно изменилось: улыбка исчезла, глаза стали холодными и колючими. Он принял вызов.

– Слушаю.

Голос Влада в трубке звучал напряжённо:

– Владислав Семёнович, нам нужно срочно встретиться. Не телефонный разговор.

– Давай ко мне. Я буду через двадцать минут, – коротко ответил Гальперин и отключился.

Он вернулся в палату, поцеловал дочь в лоб, а внука – в макушку и натянуто улыбнулся.

– Вот видишь, Танюша. И у меня дела, будь они неладны. Я скоро вернусь. Отдыхай. Корми нашего парня. И не кисни. Ты же у меня умница

Татьяна проводила его тревожным взглядом, но ничего не сказала. А когда он ушёл, прижала сына к груди и вернула его медсестре, только когда малыш насытился.

– Вот и хорошо, – улыбнулась та. – А теперь я займусь ребёнком, а вы поспите до следующего кормления. Да, малыш? Не будем мешать отдыхать нашей мамочке, правда?

Когда Гальперин приехал домой, Влад уже был там. Он прошёл вслед за шефом в кабинет и остановился у стола, нервно перебирая пальцами. Гальперин сел в кресло, жестом приказал говорить.

– Тимур в больнице, – начал Влад. – У него огнестрельное ранение. Пуля из ружья, раздробила бедро. Вообще странно, что он смог выехать на трассу и не умер от потери крови. Но там у него батарейки сели и он, похоже потеряв сознание, врезался в столб. Проезжавшие мимо вызвали скорую. Его отвезли в больницу.

– Где этот недоумок сейчас? – ледяным тоном спросил Гальперин. – Давай больше конкретики.

– Я узнавал. Он в реанимации. Операция идёт. Выживет, но нога

– Мне плевать на его ногу, – перебил Гальперин. – Где Руслан?

Влад опустил глаза.

– Неизвестно. Когда Тимура нашли, он был один. И без сознания, как я уже сказал. Никого рядом не было.

Гальперин медленно поднялся, опёрся ладонями о стол. Глаза его сузились.

– Нужно решать вопрос с огнестрелом. Врачи, полиция – кто-то обязательно будет задавать вопросы.

– Я понимаю, Владислав Семёнович. Но как мы объясним?

Гальперин выдохнул, взял себя в руки.

– Никто не должен знать, что Тимур имеет ко мне отношение. Ни одна живая душа. Пусть скажет, что ходил по грибы и попал под шальную пулю охотника. Такое бывает. Полиция спишет на несчастный случай. А если он ляпнет лишнего – пусть не надеется, что я буду его вытаскивать.

Влад кивнул и поспешно вышел.

Тимур после операции находился в реанимации. Влад каждый день исправно докладывал Гальперину обстановку: состояние стабильное, но в сознание не возвращается, находится в искусственной коме. Как только придёт в себя, Влад увидит его первым и обо всем предупредит. Полиция тоже ждёт, пока он очнётся, чтобы допросить.

Время шло. Гальперина радовало только одно: зять Александр по-прежнему не был найден. Ни в лесу, ни в моргах, ни в больницах. А раз его нет – значит, он всё-таки мёртв. И надёжно спрятан. Или закопан. Вывод один – он не вернётся. И это устраивало Гальперина больше всего.

Илья тем временем вернулся в Михайловку, но домой, к жене, не пошел, а поселился у старой тётки Ульяны, вдовы погибшего лесника, жившей на отшибе. Ульяна встретила его с радостью, усадила за стол, накормила горячими щами и напоила чаем с мёдом. Она ни о чём не спрашивала, только вздыхала и крестилась, глядя на его перевязанное лицо.

А когда к ней пришёл брат, отец Ильи, и потребовал, чтобы сын шёл домой, Ульяна встала на пороге, подбоченилась и раскричалась так, что слышно было на всю улицу:

– Не позволю над Илей измываться! Всю жизнь его в рабах держали! Дома ты его гноил, работой завалил, слова доброго не сказал! А он у меня будет жить, сколько захочет! Убирайся, Сергей, пока я тебя кочергой не огрела!

– Герой! Под бабью юбку спрятался, – сплюнул отец, красный от злости, развернулся и ушёл, громко хлопнув калиткой.

Илья сидел за столом, молчал и смотрел в кружку. На душе у него было смутно, тревожно, но рядом с тёткой, в её старом, пахнущем травами доме, он чувствовал себя почти спокойно.

Полина тем временем ухаживала за Александром. Тот медленно шёл на поправку – температура спала, рана начала затягиваться, но говорить он всё ещё не мог, только смотрел на

неё мутными глазами и сжимал её руку. О нём никто в Берёзовом не знал. Зато по хутору уже поползли другие слухи – старый Кондрат, сидя на лавке у ларька, рассказывал всем, кто готов был слушать:

– А вы знаете? Полинка-то наша с Ильёй сошлась! Я своими глазами видел – он к ней по ночам ходит. И морда побитая у него. Откуда? А я вам скажу: жена его этак отделала за Полинку. А ведьме этой хоть бы что! Девка она видная, но с норовом Ох, с норовом! Увела Илью и всё тебе тут. А Нина, жена его, одна кукует. Вот дела-то!

Сплетни расходились по округе быстро, как круги по воде. И никто не знал, что на их тихий хуторок надвигается настоящая буря.

Глава 12

Ульяна вошла в магазин и остановилась, увидев брата, грузного мужчину с красным, обветренным лицом и тяжёлым взглядом, который, стоя у прилавка с внуками Викой и Володей, выбирал для них сладости, ворча на продавщицу Тамару из-за цен, но детям подавал самое дорогое – шоколадные батончики, вафли в глазури, мороженое. Увидев сестру, он нахмурился и, не здороваясь, сразу перешёл в наступление.

– Явилась, старуха, – буркнул он, но так, чтобы слышали и Тамара, и случайная покупательница, копошившаяся у полки с крупами.

– И тебе здравствуй, братец родной! – усмехнулась на язвительное замечание Ульяна. – А что я старая, так это ничего. Через восемь лет и ты такой будешь.

– Илюху моего у себя приютила? – не обратил внимание на её колкость Сергей. – Дуришь парня, Ульяна. Он и так без ума ходит, а ты ему потакаешь.

Ульяна спокойно сложила руки на груди и посмотрела на брата с насмешливым прищуром.

– А что мне, выгнать его на улицу? Чтоб он под забором ночевал? Ты бы лучше, Серёженька, не мне, а себе вопросы задавал. Сын от вас всех убежал, а ты виноватых ищешь.

– Молчи, зараза! – рявкнул Сергей так, что Тамара за прилавком вздрогнула, а старуха у полки выронила из рук пачку риса. – Он семью бросил! Жена мается, дети сиротами при живом отце растут! А ты ему постель стелешь, кормишь, поишь! Гнать его в шею домой надо, к Нине! Чтоб бабу не мучил!

Ульяна покачала головой.

– А ты, Серёженька, при всех горло-то не дери. А то ведь и я рот открыть могу. Есть что рассказать людям про тебя и про то, как ты с сыном всю жизнь обходился. Хочешь послушать?

Тамара сделала вид, что раскладывает печенье, но уши её наострились. Покупательница у круп, баба Клава, тоже замерла, прислушиваясь. Такой скандал – событие, которое потом неделю будут пережёвывать на всех лавках.

Сергей побледнел, сжал кулаки, но промолчал. Он знал, что сестра языком остра и память у неё цепкая. Он только проворчал себе под нос:

–Чтоб ты сдохла, паскуда.

Ульяна не стала больше обращать внимания на его слова. Она повернулась к притихшим детям, которые жались в углу у входа. Им было стыдно, что дед при всех кричит на бабушку Ульяну. И она, словно поняв это, подошла к ним, погладила Вику по голове, приобняла Володю.

– Ну что вы испугались, касатики, – сказала она ласково. – Сбегайте-ка проведите отца. Он у меня дома. Скажите ему, как любите его. И попросите, чтоб он не скучал. А потом посидите с ним, вместе чаю попейте. Хорошо?

Вика подняла глаза, благодарно кивнула.

– Хорошо, бабушка Уля.

Володя тоже кивнул, и они, выбежали из магазина, забыв о гостинцах деда. Сергей проводил их тяжёлым взглядом, но ничего не сказал. Он оплатил сладости, сунул их в пакет и вышел на крыльцо, где остановился, поджидая сестру.

Ульяна не торопилась. Она спокойно выбрала всё, что ей было нужно и только потом, расплатившись, вышла. Сергей стоял у своей машины и, набычившись, поманил сестру к себе.

– Неужто до дома подвезти хочешь? – улыбнулась она.

– Обойдётся, – сказал он, понизив голос до угрожающего шёпота. – Слушай сюда, Ульяна, если ты там начнёшь воду баламутить, если я узнаю, что ты по древне всякие сплетни носишь, я тебя прибью. Своими руками. Поняла?

Ульяна остановилась в шаге от него, посмотрела в его злые, налитые кровью глаза и вдруг рассмеялась – звонко, заливисто, как девчонка. Смех её разнёсся по пустынной улице, отразился от заборов и улетел в небо.

– Ой, Серёженька, – сказала она сквозь смех. – Испугал. Прямо до смерти. Поезжай-ка ты, братец, домой. Остудись. А Илья у меня поживёт, сколько надо. И не тебе решать, где его место.

– Ах ты су – крепко выругался Сергей и замахнулся было на сестру рукой, но она полоснула его острым взглядом и едва разжала тонкие губы.

– Не смей! Прокляну

А потом развернулась и спокойно пошла по дороге в сторону своего дома. Сергей постоял ещё немного, глядя ей вслед. Лицо его пошло красными пятнами, кулаки сжались до белых костяшек. Он хотел крикнуть что-то ей в спину, но слова застряли в горле. Вместо этого он сплюнул на землю, сел за руль и, поднимая колёсами клубы пыли, помчался по улице.

Вечер опустился на Михайловку тихий, тёплый, напоённый запахом разнотравья и мокрой земли. Проводив детей до дома, Илья вернулся к себе и теперь, сидя на крыльце тёткиного дома, смотрел, как в небе зажигаются звёзды, и курил сигарету за сигаретой. В горле першило, в глазах рябило от дыма, но он не мог остановиться – руки сами тянулись к пачке. Дети пришли к нему ещё днём, как велела бабушка Ульяна, и гостили до самого вечера. Вика, худая, с двумя тонкими косичками и серьёзными, не по годам взрослыми глазами – вошла первой, оглянулась на дверь и бросилась к отцу на шею. Володя, на два года младше сестры, сначала помялся у порога, теребя край рубашонки, но потом тоже шагнул вперёд, уткнулся лицом в отцовское плечо.

– Папка, – прошептала Вика. – Мы так соскучились. Мамка говорит, что ты ушёл к чужой тётке и что ты нас бросил. А мы не верим! Баба Ульяна ведь нам не чужая? А только почему ты к ней ушёл? Почему нас бросил?

– Не бросил, – голос Ильи дрогнул, он прижал детей к себе, чувствуя, как подбородок начинает предательски дрожать. – Никогда я вас не брошу. Слышите? Никогда.

– А когда ты вернёшься домой? – спросил Володя, поднимая на отца глаза, в которых стояли слёзы.

– Скоро, сынок. Скоро, – Илья погладил сына по голове, но в голосе его не было уверенности.

Потом дети наперебой рассказывали, что мама теперь всё время то плачет, то ругается. Нина, по их словам, металась по дому, била посуду, кричала на стены. А вчера ходила к соседке, Клавдии, вернулась уже совсем ночью. Илья слушал молча, только желваки ходили на скулах. Когда стемнело, Ульяна вынесла детям по кружке тёплого молока с мёдом, потом велела Илье проводить их до дома.

А когда он вернулся, вышла к нему на крыльцо и долго молча сидела с ним рядом, дожидаясь, когда же он захочет выплеснуть всё, что накопилось у него внутри.

– Илюша, – сказала она, наконец, голосом тихим, но твёрдым. – Ты сам не свой ходишь. Рассказывай, что на душе. Не таись от тётки. Почему от Нинки ушёл?

Илья долго молчал, крутя в пальцах сигарету. Потом поднял глаза и выдохнул:

– Другую я люблю, тётя Уля.

– Кого же это?

– Полинку Савельеву...

– Это с Берёзового, что ли? Ируськину внучку?

Илья молча кивнул.

Ульяна покачала головой, не осуждающе, а скорее сожалеюще.

– Полина – непростая девка, Илья. Не для тебя она.

– А для кого? – горько усмехнулся он.

– Для того, кого сама полюбит, – тётка вздохнула. – Сама, понимаешь? Такие, как она, не приручаются. И бабушка у неё такой была. Расскажу тебе, как-нибудь. Дружила я с Ириной, многое о ней знаю. А ты внучку её забудь. Ты вон – женатый, дети есть. А она – свободная, вольная. Сойдётся, а потом что? Разобьёшь себе сердце, да и ей несладко будет.

– Не могу я без неё Днём и ночью перед глазами стоит и всё тут

Ульяна помолчала, потом встала:

– Давай-ка погадаю тебе. Хочешь? Карты не врут, они душу видят.

Илья усмехнулся и пожал плечами:

– Не верю я вашим этим бабским штучкам.

– Ну и не верь, – согласилась Ульяна. – А я всё же тебе погадаю

Она ушла в дом, достала из старого резного шкафа колоду карт – потёртую, с загнутыми углами, потемневшую от времени. Села к столу, принялась тасовать их долгими, спокойными движениями. Не отвлекаясь на разговоры, кивнула на свободный стул вошедшему Илье, сделала знак молчать.

Ульяна тасовала карты долго, сосредоточенно, шепча себе под нос что-то неразборчивое и непонятное – древние слова, которые она помнила с детства. Потом подняла глаза на Илью.

– Ну, а теперь, – сказала она ему, – спрашивай у карт, что тебя ждёт. Я по старинке раскладываю, как меня ещё моя бабка учила. Оттого всё и сбывается. Спрашивай, всю правду скажу.

– Я не знаю, о чём спрашивать, – ответил он хмуро.

– Спроси про Нину. Про жену. Что у вас будет.

Илья пожал плечами.

– Ну, давай. Что там с Ниной.

Она вытянула из колоды три карты, разложила их перед собой веером. Пиковая дама, девятка крестей и пиковая шестёрка. Ульяна нахмурилась.

– Зло в своём сердце затаила на тебя твоя жена, Илья. Обида в ней сидит, чёрная, как смола. С утра до ночи тебя проклинаят. Горе на твою голову призывает.

– Знаю, – глухо ответил Илья.

– А у самой душа как могила мрачная, – продолжала Ульяна. – Вот тебе пиковый валет. Ложь чёрная вокруг тебя, Илья. Берегись, не верь никому. Иначе быть беде. Смотри, что выпадает – десятка пик. Горе, – коротко сказала Ульяна. – В доме твоём горе. Не будет счастья, пока вы вместе. Разлад, ссоры, слёзы. А это недобрый человек рядом с тобой. Властный, жестокий. Может, это ты сам, Илья? Озлобился ты на неё?

– Я не озлобился, – тихо сказал Илья. – Я просто устал.

– Усталость – не грех, – Ульяна перетасовала карты и снова принялась выкладывать их на стол. – Нет, не будет тебе счастья с Ниной. Карты не врут.

– А мне его и не надо, – поднял Илья голову. – На Полинку погадай, тётъ. Что с ней меня ждёт?

Ульяна снова перетасовала колоду, разложила новый ряд – прошлое, настоящее, будущее. Прошлое – семёрка треф: хлопоты, заботы. Настоящее – бубновый валет: ложь, обман. Будущее – туз треф: казённый дом. Тюрьма. Или больница. А может что-то похуже.

– Карта лживая, – сказала Ульяна, но голос её дрогнул. – Переложим по-другому.

Она собрала карты, перемешала их снова, разложила. И опять нехорошие карты, тёмные, тяжёлые. Вокруг Ильи легли одна за другой восьмёрка, девятка и десятка пик – страдания, боль, потеря. Семёрка бубен - дорога. Не Ильи дорога, чужая. А чья? Вот! Пиковый король, опасный человек. Ульяна вытащила ещё одну, последнюю карту и на туза червей, прямо на сердце, лёг туз пик. Смерть.

Ульяна побледнела, одёрнула руки от стола, будто карты обожгли её.

– Что там? – спросил Илья, заметив её реакцию.

– Ничего, – резко ответила она, смешивая колоду дрожащими пальцами. – Чушь всё это. Карты врут. Я сегодня устала, Илюша. Погадаю тебе в другой раз.

Она спрятала колоду в шкаф, плотно закрыла дверцу и повернулась к нему с натянутой улыбкой.

– А к Полине не ходи. Лучше не надо, Илюша. Слышишь?

Она ушла к себе в комнату, зажгла у иконы свечу и перекрестилась:

– Прости меня, Господи, что правды не сказала. Не готов он. Лучше уж пусть в неведении ходит, чем с таким знанием жить. Убереги, Богородица... Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь

Гальперин сидел в кресле с бокалом коньяка и смотрел на экран ноутбука. Он собственноручно проверил, чтобы все упоминания о пропавшем бизнесмене Александре Юрьевиче Павленко были удалены из новостных лент, с сайтов и из эфира. Теперь о зяте молчали – как будто его никогда и не существовало. Гальперин остался доволен: информация – это оружие, и то, что он выбил его из рук врагов, давало ему время. Внезапно зазвонил личный телефон. Гальперин взглянул на экран – дочь. Он поморщился, но взял трубку.

– Танюша? Что случилось? Всё хорошо? – спросил он ласковым голосом.

В трубке послышались всхлипывания, а затем голос Татьяны, прерывающийся от рыданий:

– Папа мне звонила Оксана Да, Перова, моя подруга Она спросила, нашёлся ли Саша! Она сказала, что слышала, будто его ищут! Папа, что происходит? Где Саша? Ты мне врал? Он не уезжал, да? Он пропал?!

Гальперин вздохнул, отставил бокал. Он ожидал этого разговора, но не так скоро.

– Танюша, успокойся. Я всё объясню. Я просто не хотел, чтобы ты расстраивалась после родов. Да, Саша пропал. Но я сделаю всё, чтобы его найти. У меня всё под контролем. Верь мне. У тебя есть сын, ты должна быть сильной ради него.

Татьяна зарыдала ещё громче, но Гальперин, стиснув зубы, продолжал говорить ровным, спокойным голосом, убеждая её, что она в безопасности, что он обо всём позаботится. Он повесил трубку, когда рыдания стихли до всхлипов, и долго сидел неподвижно, глядя на тёмный экран ноутбука, в котором отражался его собственный холодный, ничего не выражающий взгляд. Потом звонком вызвал Влада:

– Разущи Стаса и скажи, что он мне нужен.

– Какого Стаса? – не понял Влад.

– Вепря, – процедил сквозь зубы Гальперин, не замечая, как в глазах помощника мелькнула тень страха, и повторил, выделяя каждое слово: – Мне. Нужен. Стас. Вепрь.

Глава 13

Полина стояла у плиты, помешивая в кастрюле травяной отвар, и краем глаза посматривала на Александра, который лежал на постели, задумчиво глядя в окно.

Солнце, уставшее от дневного зноя, медленно, словно нехотя, опускалась за горизонт. Июньский вечер наливался золотом и мёдом. Небо над лесом перестало быть ослепительно голубым – теперь оно густело, становясь тёплым, сиреневым у зенита и нежно розовым там, где раскалённое светило ещё не коснулось края земли.

Длинные тени от окружающих хутор берёз поблекли и вытянулись, будто кто-то провел по траве мягкой кистью. В лучах уходящего солнца их белые стволы отсвечивали янтарём, резная листва, трепеща даже от легкого дуновения ветерка, горела изнутри прозрачным зеленым огнём.

Воздух, прогретый за день, только-только начал остывать и по хутору поплыл густой, терпкий запах скошенного сена, смешанный с чуть заметной горчинкой, растущей вдоль дорог серебристо-жемчужной полыни.

Где-то за хутором тревожно зашкрипел дергач, ему ответил далёкий собеседник. А в раскидистых кустах сирени суетливо завопили воробьи, готовясь ко сну.

– Хорошо... – сипло и едва слышно выдохнул Александр.

Полина, не расслышав, что он сказал, подошла к нему и наклонилась:

– Саша, тебя что-то беспокоит? Суп уже готов, отвар тоже. Скоро я тебя покормлю, пусть только сначала всё остынет.

Он качнул головой в ответ, как бы показывая, что она неправильно поняла его, и повторил снова:

– Хорошо... тут...

– Да, у нас красиво, – согласилась Полина и с тревогой всмотрелась его лицо.

Александр уже не выглядел таким бледным, как раньше, щёки чуть порозовели, а в глазах появился какой-то осмысленный, живой блеск. Полина отметила это про себя с облегчением – ещё неделю назад он был похож на тень, а теперь, кажется, начал возвращаться к жизни. Но одно всё ещё очень сильно беспокоило Полину: Александр по-прежнему почти не мог разговаривать. Вместо слов из горла вырывался хрип, и Полина, видевшая на его шее темные лиловые синяки, оставленные чьими-то пальцами, давно догадалась, что его душили и повредили связки. Нет, всё-таки то, что он остался жив – настоящее чудо, и она просто обязана поставить его на ноги.

– Саша, ты можешь сказать мне, кто это сделал с тобой? – не удержалась Полина от давно мучившего её вопроса.

Александр медленно повернул голову, посмотрел на нее долгим, измученным взглядом. Потом открыл рот, намереваясь что-то сказать, но воспоминания так сильно взволновали его, что из горла вырвался только сиплый, сдавленный звук.

Александр покачал головой, сжал пальцы Полины и закрыл глаза, показывая, что устал.

– Ладно, не хочешь говорить, не говори, – сказала она и поднялась, высвободив руку. – Только не засыпай. Я пойду проверю, готова ли вода. Тебе нужно перед ужином обмыться, чтобы спалось хорошо. Я уже приготовила чистое бельё.

Она вышла из комнаты и вскоре вернулась с ведром тёплой воды, тазом и полотенцем.

– Давай-ка, Саша, я помогу тебе раздеться. Последний раз мы с тобой мылись три дня назад, а потом я только обтирала тебя...

Александр взглянул на таз, на ведро, на Полину и вдруг так густо покраснел, что его уши запылали жаром. Он отчаянно замотал головой и торопливо выдавил из себя:

– Не надо... тебе...

– Саша, – мягко улыбнулась Полина. – Неужели ты думаешь, что всё это время оставался в том состоянии, в каком мы с Ильёй тебя нашли? Я полностью вымыла тебя в первый же вечер, когда ты оказался у меня дома. Полностью, понимаешь? И делала это уже не раз, иначе было просто невозможно, а помощников у меня нет, как видишь, я живу одна. И вообще, я, конечно, не настоящая медсестра, но могу тебе сказать – больной, для того, кто его лечит, просто человек, а не мужчина или женщина. Так что давай будем стесняться, когда ты окончательно выздоровеешь и сможешь сам ухаживать за собой.

Александр покраснел ещё гуще, теперь уже до корней волос, но всё так же упрямо покачал головой:

– Сам. Помоги... встать...

Полина вздохнула, но спорить не стала. Она подошла, подставила ему плечо, помогла подняться с кровати. Но Александр тут же пошатнулся – ноги всё ещё были слабыми, ватными, – и тяжело опёрся на неё. Полина, хрупкая девушка, попыталась удержать его, но не смогла, а ноги Александра уже подкосились, и он рухнул на постель, невольно увлекая её за собой.

Она упала на него, прижавшись грудью к его груди, коснулась щекой его щеки и на мгновение замерла, ошеломленная тем, что произошло. Александр лежал, глядя на неё снизу вверх, и дыхание его сбилось. Он медленно поднял руку, коснулся щеки девушки, провел пальцем по её скуле:

– Красивая... – различила Полина в его выдохе. Она резко встала, одернула платье и тоже провела ладонью по своей щеке, будто хотела стереть с нее прикосновение Александра.

– Я вижу, тебе действительно легче, раз ты уже начал разбираться в красоте, – сказала она строго и сухо. – Думаю, через пару дней можно будет отвезти тебя домой.

Александр открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент раздался громкий, настойчивый стук в дверь – такой сильный, что, казалось, доски сейчас треснут под натиском незваного гостя.

Александр вздрогнул, лицо его в одно мгновение побледнело:

– Нет, – испуганно просипел он. – Ищут... меня... убьют... Не надо...

Слова с трудом вырывались из горла Александра, но паника, охватившая его, казалось, придала ему сил.

– Пожалуйста... Нет...

Полина сделала успокаивающий жест рукой:

– Тише, Саша. Никто не знает, что ты здесь, кроме меня и Ильи. А он никому не скажет, ему можно доверять. И мне тоже. Лежи смирно, я всё улажу.

А потом добавила громче, надеясь, что стук прекратится:

– Иду я, иду!

Она вышла в сени, выдохнула и открыла дверь.

На пороге стояла крупная, грузная женщина с красным, покрытым испариной лицом – Галина Жукова, мать Нины Дорошиной, жены Ильи.

– Ну что, змеюка подколотая, ведьма проклятая! – закричала она, едва увидев Полину. – С женатым мужчиной спуталась? Илью нашего охмурила? Детей сиротами оставила, жену обесчестила!

Полина отшатнулась от Галины, но дверь не закрыла и только прижалась к ней спиной.

– Успокойтесь, тётя Галя. Ничего между мной и вашим Ильёй нет и быть не может.

– Врёшь! – закричала Галина и злые слёзы брызнули из её глаз. – Врёшь, паскуда! Все уже об этом знают! Все говорят! И Кондрат Евсеев тоже!

– А вы меньше всех слушайте, – отмахнулась от неё Полина. – Особенно деда Кондрата. Он вам такое расскажет, что...

Договорить она не успела, потому что в этот момент за её спиной, в доме, раздался глухой грохот – там упало что-то тяжёлое. Видимо, Александр попытался встать и опрокинул ведро с водой. Галина замерла и вытянула шею, вглядываясь в темноту сеней.

– А кто это там у тебя? – воскликнула она. – А? Ну-ка пусти меня, я посмотрю!

– Нет, – преградила ей путь Полина. – Никого там нету, я одна. А хоть бы и был, почему я должна отчитываться перед вами?

– Вот оно что! – завопила со всей мочи Галина. – Попались, голубчики! Уже ночи дожждаться не можете! Бесстыжая!

Она снова попыталась оттолкнуть Полину, а когда у неё это не получилось, принялась кричать через её плечо:

– Илья! Илья, паразит такой! А ну-ка выходи, я знаю, что ты там! Илья!!!

На её крик стали собираться соседи Полины. Мужики, во главе со старым Кондратом, остановились у калитки, а несколько любопытных баб, боясь пропустить хоть что-то из устроенного Галиной скандала, подошли к самому крыльцу и теперь стояли, ловя на лету каждое слово разгневанной женщины.

– А ну-ка показывай, кто там у тебя! – продолжала вопить Галина. – Илья, да? Илья?! Ты там с ним? С Ильёй?

Полина посмотрела на её искажённое от ярости лицо и вдруг поняла: если она расскажет про Александра, вся округа тотчас узнает о том, что она выхаживает раненого человека. И тогда те, кто ищет его, обязательно придут за ним. И закончат то, что начали. Недаром ведь он сейчас так сильно и

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.